

55380

115

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE JÓZSEF ATTILA NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

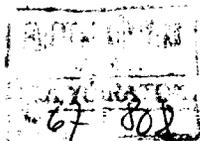
Материалы и сообщения по славяноведению

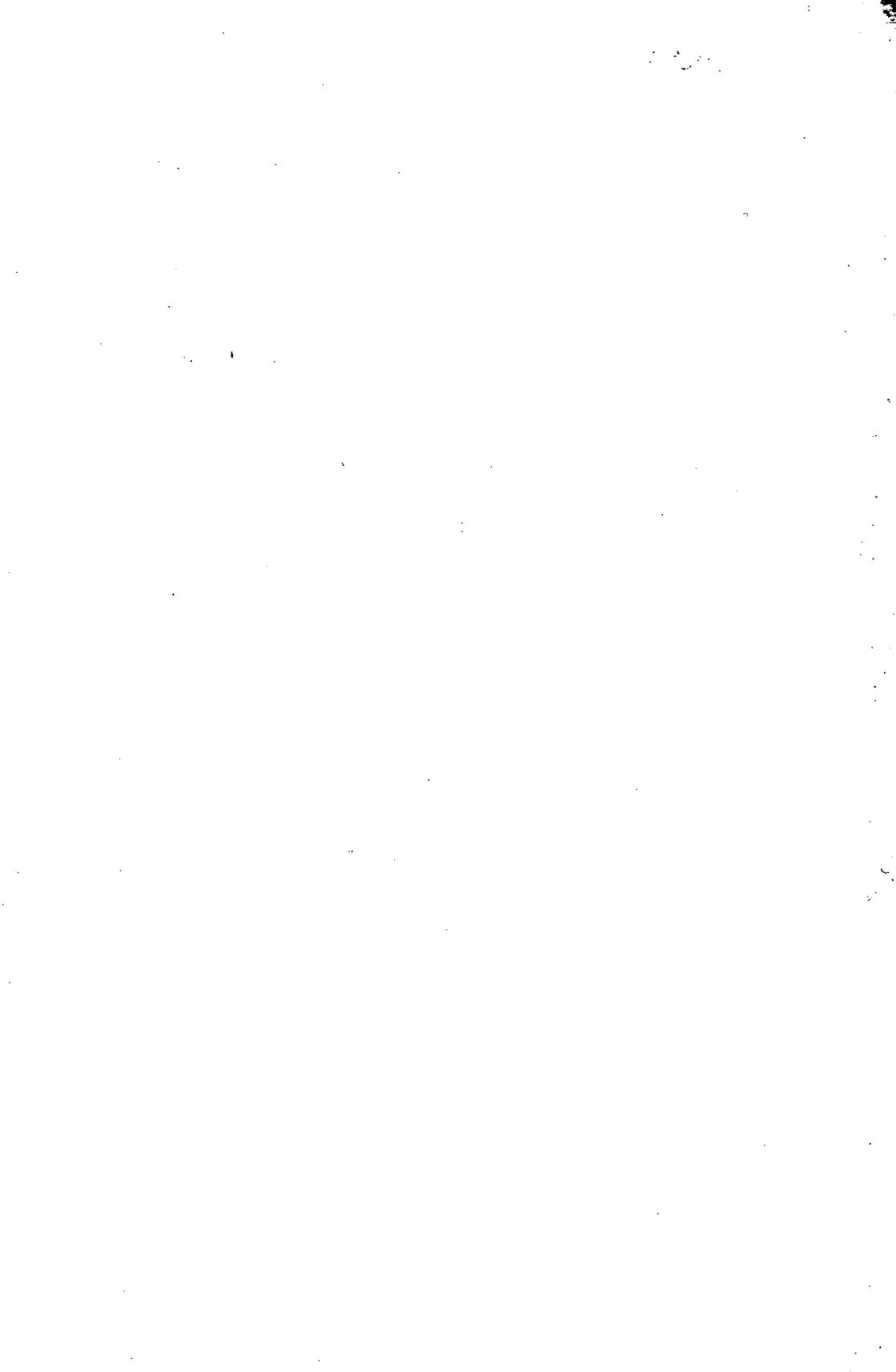
I.

kek

SZEGED

1962

55380

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE JÓZSEF ATTILA NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

Материалы и сообщения по славяноведению

I.

SZEGED

1962

**Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata**

I.

**Redigit
József Juhász**

**Seriem publicationum edendam curat
Imre H. Tóth**

От редакции

Кафедра русского языка и литературы Сегедского университета им. А. Йожефа — согласно решению учёного совета гуманитарного факультета — приступает к изданию серии сборников статей, материалов и сообщений, посвящённых вопросам славяноведения. Нужно отметить, что славяноведение, несмотря на важность этой отрасли филологической науки, до сих пор не было представлено в изданиях нашего университета. Таким образом, настоящий небольшой сборник статей является первой скромной попыткой в этой области. Желая восполнить пробел в серии учёных записок университета, выходящих под названием «Acta Universitatis Szegediensis», коллектив кафедры решил, по мере своих сил, активнее включиться в работу венгерских славистов, направленную на дальнейшее развитие славяноведения в нашей стране.

Наша кафедра была создана сравнительно недавно и её коллектив немногочисленен. Сотрудниками кафедры, в основном, являются молодые преподаватели, часть которых печатается впервые. В научной работе членов кафедры на первом месте стоят вопросы русского языка и литературы, что нашло отражение и в содержании настоящего небольшого сборника. Но члены кафедры проявляют интерес и к некоторым другим отраслям славянской филологии, которым в дальнейшей работе кафедры предполагается уделять больше внимания.

Выпуская первый номер серии, редакция надеется, что предлагаемая вниманию читателя серия вызовет интерес, найдёт нужный отклик и поддержку со стороны специалистов-славяноведов.

Сегед, декабрь 1962 года.

К ИСТОРИИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(На материале Музейного евангелия)

И. Х. Тот

1. И. И. Срезневский, великий пионер русского языкознания и исторической грамматики, в своей лекции, прочитанной 8-го февраля 1849-го года, так определил задачу истории языка: «Каждый из старых памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном».¹

Хотя историю русского языка мы хорошо знаем, всё-таки, пользуясь данными каждого памятника и анализируя их, мы получаем более точную картину о территориальном и временном распространении определённых процессов в языке. Именно для этой цели важное значение имеет изучение не только больших, знаменитых и часто цитируемых памятников, но необходим и тщательный анализ менее известных памятников русского языка.

Одним из малоизвестных памятников русского языка является так называемое Музейное евангелие в русской редакции старославянского языка.

Исследованная рукопись в настоящее время находится в Москве в Библиотеке им. В. И. Ленина. Она является XIV-ой рукописью так называемого Румянцевского фонда. По А. Х. Востокову² перепись данной книги совершилась в конце XII века или в начале XIII века на севере. О северном происхождении свидетельствует смена аффрикат *с* и *щ* и передача *dž* на письме сочетанием букв *zg*. Например:

bagraniču 746, 154a, *veliči* 125a, *vъdoviča* 636, *dъzgi* 87a, *rozъje* 28a.

Музейное евангелие, хотя и не принадлежит к числу наиболее известных памятников русского языка, отражает некоторые особенности живого русского языка, которые были характерны для него в конце XII века. Но, кроме этого, в данном памятнике отражены определённые фонетические и морфологические свойства древнего новгородского наречия.

Фонетические особенности древнего северного наречия хорошо известны нам. Значительно труднее вскрыть его морфологические особенности; поэтому мы должны обратить больше внимания на то, чтобы обнаружить в памятниках северного происхождения те морфологические особенности, которые характеризовали древний новгородский говор. В этом отношении большую помощь нам

¹ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка, Москва, 1959, стр. 80.

² Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума, 1842, под №С1У.

оказывают данные берестяных грамот, найденных А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым в Новгороде.³

Картину, составленную лингвистами по пергаментным рукописям XII—XIV веков, можем контролировать, пополнять и уточнять при помощи материала, взятого из новгородских берестяных грамот. Их сравнение с материалом древних рукописей даёт возможность более детально узнать русский язык XII—XIV веков, точнее сказать, один из его диалектов, а именно северный диалект. Для этого данные Музейного евангелия мы сопоставляли и сравнивали, если это было возможно, с данными новгородских берестяных грамот, и таким образом старались достичь более точных и надёжных результатов. Наша цель — исследовать систему склонения имён существительных не только конца XII века, но обнаружить, где это возможно, и раскрыть определённые особенности в области древнего новгородского наречия в системе склонения имён существительных.

2. Известно, что в последний период индоевропейского праязыка склонение имён существительных шло по определителям корней. С их затемнением и потерей произошёл процесс, в результате которого основа сократилась в пользу окончаний. То есть элементы основ, когда-то имевших самостоятельное значение слились с элементами прежних флексий, и таким образом возникли те окончания, которые известны нам по старославянским и древнерусским памятникам.

По *Бодуэну де Куртенэ* в славянских языках можно различать три периода истории склонения имён существительных:

- 1) Период сокращения основ в пользу окончаний. Этот период отражён в старославянском языке и «отчасти, также в древних памятниках других славянских языков».
- 2) «Период распределения сколения по родословным различиям. свойственным почти всем нынешним языкам славянским.»⁴
- 3) Период замирания основ склонения. Такое явление характерно только для болгарского языка, и поэтому его можно оставить в стороне.

Во второй период истории склонения «произошла новая группировка типов склонения... При этом на первый план выступило, как признак типов, сочетание или ассоциация известных окончаний с родовыми различиями.»⁵

Конечно, переход от первого периода ко второму не произошёл сразу, одновременно во всех славянских языках. Начался он ещё в общеславянском языке и был закончен уже в отдельной жизни славянских языков. Унификация типов склонения, начавшаяся в общеславянском языке, в русском языке была закончена к концу XVIII века. Только тогда выработалась система склонения имён существительных, в основе которой лежит родовой признак. Именно в этот

³ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, АН СССР, Москва, 1955.

⁴ Бодуэн де Куртенэ А. И. Заметки об изменяемости основ склонения. Сборник статей посвящённых Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902, стр. 247.

⁵ Там же, стр. 248.

длинный и сложный процесс нам хотелось бы вникнуть и при изучении системы склонения имён существительных в Музейном евангелии

Наши замечания сделаны по распределению прежних основ.

А. Основы на гласные

Важнейшим вопросом при изучении судеб основ на гласные в этот период является взаимодействие основ на -о и -ѣ с одной стороны и -јо и -ї с другой.

1. Основы на -о

Твёрдая разновидность

Основы на -о, вследствие того, что их именительный падеж единственного числа мужского рода оканчивался на -ъ, оказывали влияние на существительные с основой на -ѣ, которые имели в именительном падеже единственного числа также окончания на -ъ. Они были также мужского рода. (Даже они имели одинаковый винительный падеж, оканчивавшийся на -ъ, пока не возникло употребление родительного падежа в значении винительного у существительных, обозначающих лица.)

Ввиду того, что в количественном отношении преобладали основы на -о, их влияние привело к тому, что основы на -ѣ исчезли из русского языка. Но их следы сохранились в древнерусском языке в родительном, дательном, творительном, местном падежах единственного числа и в родительном падеже множественного числа у основ на -о.

В родительном падеже единственного числа мы встречали характерные окончания для основ на -о. Например, *groba 128a, ot naroda 31a, zākona 316, věka 32a* ит. п.

Заслуживает внимания форма родительного падежа на -и в слове *riču 34a*. Оно несомненно возникло под влиянием основ на -ѣ.

В дательном падеже, кроме окончания на -и, часто встречаем формы на -ови, которые произошли от основ на -ѣ: *Petrovi 106, 41a (7 раз), Simonovi 54a, 646, Iosifovi 10a, 17a, Ionovi 686*.

Особенно часто это окончание употребляется с именем *Isusъ: Isusovi 4. a, 38. a, 466* (тринадцать случаев). Но можем обнаружить и правильную форму *Isusu (1576)*.

Собственное имя *Christosъ* имеет в дательном падеже также -ови: *Christosovi*. Из нарицательных имён существительных *bogъ* и *duchъ* также имеют в этом падеже флексию на -ови: *bogovi 1006, 1036, 108a, 131a; 776, 836*.

Из основ на -јо, и -ї существительные *kesarъ* и *ognъ* (по происхождению основа на -ъ) и *gospodъ* (основа на -ї) образуют форму дательного падежа на -ови: *ognevi 1046, gospodevi 132a*.

Хотя этими основами мы будем заниматься ниже, всё-таки обследуем формы на -ови, потому что хотели бы решить вопрос о том, знал ли живой древнерусский язык эти формы на севере.

Прежде чем решить этот вопрос, надо вспомнить о том, что в Остромировом евангелии встречаются такие формы: *archiereovi, kesarevi, bogovi, duchovi, Andreovi, Isusovi, Petrovi* и пр. Сразу бросается в глаза, что эти существительные имеют один и тот же лексико-семантический признак: все принадлежат к словарному составу древнерус-

ского книжного языка. Они были чужды народу.⁶ Полагается, что такие падежные окончания из старославянского текста попали в Остромирово евангелие. В новгородских берестяных грамотах окончание дательного падежа единственного числа имён мужского рода -и: *Jesifu 3,27 Pavlu 5*.⁷ (Грамоту №3 М. Н. Тихомиров относит к первой половине XIV века, грамота №5 датируется концом XIII века, и 27-ая была записана в XV веке). Эти данные показывают, что в XIII—XIV вв. окончание дательного падежа в древнем новгородском диалекте было -и. Однако в грамоте №9, которая, по мнению А. Н. Арциховского и М. И. Тихомирова, возникла в XI веке, в дательном падеже единственного числа имеется форма *Vasilyvi*.⁸ Этот факт доказывает, что в новгородском диалекте XI века было известно окончание на -evi, но, возможно, что не было распространено, в противном случае оно встречалось бы и в более поздних грамотах. Интересно, что флексия дательного падежа имени существительного *architriklinъ* в нашем памятнике — *architriklinu 7a*. В Остромировом евангелии оно оканчивается на -ovi: *architriklinovi (12a¹⁸)*. Осложняется вопрос о возможном окончании этого существительного тем, что в древнейшем евангелии - апракосе, в Ассеманиевом, встречается фояма на -и в дательном падеже: *architriklinu*. Таким образом, допустимо, что флексия на -и попала в изучаемую рукопись из старославянского оригинала.

Если часто встречаемое окончание на -ovi в дательном падеже единственного числа сравниваем с данными некоторых памятников русского языка более раннего времени, картина будет следующая: в Минее 1096 года только существительные *Christosъ, mirъ, bogъ, gonitelj, meъ* оканчивается на -ovi.⁹ В Ефремовской кормчей существительные *bogъ, zmiъ, muъ, noъ, chodatajъ, Christosъ, popъ, Petrъ, Mafejъ, kuotъ-vultadejъ, vonipsatijъ* имеют флексию на -ovi, -evi.¹⁰ Среди них не только чуждые древнерусскому языку имена существительные оканчиваются на -ovi, но и такие слова как *muъ, noъ, meъ, mirъ* (по происхождению основа на -ъ!), которые имелись в живом древнерусском языке. В Архангельском евангелии, — памятник южнорусского происхождения, — существительные *muъ, Petrъ, Andrejъ, archierejъ, bogъ, Irodъ, Iosifъ, Ivanъ, ierejъ* имеют в дательном падеже окончание на -ovi.¹¹ Этот перечень для нас очень неожиданный,

⁶ Жуковская Л. П. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия. Исследования по лексикологии и грамматике русского языка, Москва, 1961, стр. 42.

⁷ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот (в большом Палеографическом и лингвистическом анализе), стр. 107.

⁸ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 108.

⁹ Комарович В. Л. Язык служебной Минеи 1096 г., ИОРЯС, 1926, стр. 40—41.

¹⁰ Обнорский С. П. О языке Ефремовской кормчей, Петербург, 1912, стр. 68—69.

¹¹ Соколова М. А. К истории русского языка в XI. веке, Известия АН СССР, 1933, стр. 122—123.

так как количество форм на *-ovi* меньше, чем можно было предполагать. Известно, что из русских говоров в южных и юго-западных областях сохранились заметнее всего следы былой основы на *-ŷ* П. С. Кузнецов пишет относительно распространения окончаний с основами на *-ъ*, что в настоящих древнерусских памятниках они почти совсем не обнаруживаются.¹²

Подытоживая выше сказанное, можно сделать следующий вывод: в языке писца Музейного евангелия окончания на *-ovi*, возникшие под влиянием основ на *-ъ*, встречаются только в тех словах, которые были для него известны из старославянских памятников. Значит, в языке писца не было такого окончания. Но такая форма, как *Vasilyvi* в грамоте №9 говорит в пользу того, что окончание на *-ovi*, хотя и редко, но употреблялось под влиянием книжного языка как формы *muževi* (грамота №109), *Michalevi* (грамота №207) показывают. Характеризуя систему склонения имён существительных в новгородском говоре по данным памятника, можно сказать, что его отличительной чертой по сравнению с южными и юго-западными говорами является отсутствие флексий на *-ovi*, *-evi* в дательном падеже единственного числа мужского рода.

О флексии на *-i* в родительном падеже единственного числа можем сказать то же самое. Флексию на *-i* в данном падеже можно обнаружить в изучаемом памятнике только в слове *riču* 34. а. Интересно, что в новгородских берестяных грамотах окончание на *-i* встречается также только один раз: *darū* (в грамоте написанной в XV в).¹³ В Минее 1096 года указанная флексия в родительном падеже встречается дважды: *miču*, *světu*¹⁴. В Ефремовской кормчей обнаруживается только один случай употребления данной флексии в родительном падеже с основой на *-o*: в слове *gajъ*; *gaju*¹⁵. Эти данные согласуются с выводами Г. А. Яковлевой, высказавшей гипотезу о том, что флексия *-i* в родительном падеже единственного числа в новгородских памятниках появляется позже, чем в памятниках южного происхождения.

Влияние русского языка особенно заметно в творительном падеже единственного числа. Как известно, между старославянским и древнерусским языком в флексии этого падежа существует важное расхождение. В старославянском языке вследствие выравнивания в пользу основ на *-o*, окончанием этого падежа является *-оть*, даже у существительных с основами на *-ŷ*. Наоборот, в западнославянских и восточнославянских языках было распространено окончание основ на *-ŷ* и у существительных с основами на *-o*. Эта флексия обнаруживается уже в Новгородских листках *mičъть*. Хотя в них флексия на *-ъть* встреча-

¹² Кузнецов П. С. Очерки по исторической морфологии русского языка, Москва, 1959, стр. 201.

¹³ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 107.

¹⁴ Комарович Л. В. Цит. работа, стр. 42.

¹⁵ Обнорский С. П. Цит. работа, стр. 69.

ется только один раз, но для Остромирова евангелия в большинстве случаев характерно окончание на -ѣтъ, -ѣтъ.

Музейное евангелие очень хорошо отражает эту морфологическую особенность русского языка. Прежде чем рассмотреть имеющиеся в нашем памятнике падежные формы на -ѣтъ, нужно заметить, что эта флексия распространялась и на существительные среднего рода с основой на -о. *razumъ* 55а, но *drugъ* 13а, *čislъ* 20а, *kcalъ* 22а, *okъ* 44а, *zlatъ* 44б, *prestolъ* 44б, *darъ*, *obrazъ* 45а, *oplotъ* 49а, 102а, *pyrstъ* 51а; *strachъ* 60а, *rodъ* 60б, *soopyrnikъ* 82а.

Кроме нарицательных существительных, собственные имена также имеют это окончание: *Iakovъ* 48б, *Danilъ* 48б, *Isusъ* 112а. О распространении окончания на -ѣтъ невозможно составить полную картину, потому что много существительных находится под титлом. Под титлом писец писал только элемент -тъ, который можно читать как —-ѣтъ, или -омъ. Например: *predъ bтъ*. В местном падеже единственного числа под влиянием основ на -jo возникла падежная флексия на -i: *pri světi* 17а.

Во множественном числе влияние основ на -й ещё меньше, чем было в единственном числе. Только в родительном падеже известно окончание на -овъ: *grěchovъ* 25б, 141б. Причём это окончание имеется в памятниках северного происхождения, начиная с XI века. В Минее 1096 года можно встречать такие примеры, как *trudovъ*, *udovъ*.¹⁶ Значительно больше его имеется в Ефремовской кормчей: *běsovъ*, *grěchovъ*, *ričovъ*.¹⁷ По свидетельству Новгородской грамоты №7 XII века окончание было известно и новгородскому диалекту.¹⁸

В дательном падеже множественного числа вместо окончания -омъ мы обнаруживаем в Музейном евангелии -ѣтъ. Например: *učenikъ* 88б, *pagodъ* 103б. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические грамматики русского языка не знают этого варианта. Не известно оно и в Остромировом евангелии, в Архангельском евангелии и в Минее 1096 года. Этот факт говорит о сравнительной редкости данного окончания. Но в Ефремовской кормчей несколько раз встречается флексия на -ѣтъ: *romyslъ*, *szbogъ*, *ustavъ*. По С. П. Обнорскому, эти формы возникли графическим путём.¹⁹

Кроме памятников русского языка, в дательном падеже множественного числа окончание на -ѣтъ известно в памятниках старославянского языка. Оно встречается в Саввиной книге, Супрасльской рукописи (6 раз).

По Н. Ван Вейку²⁰ флексия на -ѣтъ в этих случаях возникла под влиянием форм именительного и винительного падежей единственного числа.

¹⁶ Комарович В. А. Цит. работа, стр. 43.

¹⁷ Обнорский П. С. Цит. работа, стр. 70.

¹⁸ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 111.

¹⁹ Обнорский П. С. Цит. работа, стр. 69.

²⁰ Вейк Н. В. История старославянского языка, Москва, 1957. стр. 242.

Очень интересно, что, кроме выше упомянутых памятников старославянского языка, ещё две рукописи северного происхождения знают эту флексию. Относительно происхождения данного окончания можно сделать следующие предположения:

1. Возможно, что оно попало в нашу рукопись из старославянского оригинала.
2. Возможно, что оно возникло под влиянием именительного и винительного падежей единственного числа и на русской почве, как это было предположено *Н. В. Вейком*.
3. Поднимается вопрос о том, что после вокализации сильных еров в окончании *-ьтъ*, можно ли считать букву *ъ* графическим вариантом гласного [о]. Не хотел ли писец в таких формах, как *уѣникътъ* 886, *пагодътъ* 103а передать гласный [о] ером? Против такого рода объяснения говорит язык Ефремовской кормчей, в которой нет достоверных примеров для перехода сильных еров. В изучаемом памятнике также редко встречаются такого рода процессы. На основе этих обстоятельств мы также отрицательно отвечаем на этот вопрос.
4. Наконец, возникает вопрос о том, не возникли ли эти падежные варианты под влиянием творительного падежа единственного числа существительных с основой на *-о*.

Рассмотрев эти варианты объяснений окончания *-ьтъ*, мы считаем, что на основе материала одного памятника невозможно сделать больших обобщений о происхождении этих форм.

Прежде чем окончить анализ твёрдых форм, необходимо сделать одно примечание. Существительное *око*, принадлежащее к основам на согласные, склоняется по типу существительных с основой на *-о*: *окътъ* 486, *въ осѣ* 676.

Мягкая разновидность

Заслуживает внимания то, что некоторые существительные с основой на *-jo* в дательном падеже единственного числа оканчиваются на *-ovi*, *-evi*: *Moseovi* 9а, 23а, *archiereovi* 143а, 150а6, *kesarevi* 49а, 91а, 1036, 1176, 131а.

Эти формы нельзя считать особенностью живого новгородского говора. Они попали в Музейное евангелие из старославянского оригинала.

В творительном падеже единственного числа по аналогии с основами на *-й* и в мягком варианте встречаем окончание на *-ьтъ*: *oltarьтъ* 45а, *korablьтъ* 55а, 104а (дважды), *učitelьтъ* 67а, *licьтъ* 68в, *licьтъ* 736 (дважды), *dělatelьтъ* 74а, *meсьтъ* 116, 117а. В этих случаях мы вправе видеть отражение живого древнерусского языка.

Естественно, что после гласного *-i* окончание *-емь*: *imēnijemь* 536, 83а *kamenijemь* 1256, 129а, *lobzaniјemь* 1166 и пр.

Из старославянского языка нам известно окончание на *-емь*, редко встречаемое в изучаемом памятнике: *oltareмь* 1326.

Конечно, существительные под титлом в определении флексии не оказывают помощь.

В род.-ном падеже основ на *-jo* в мн. ч. заслуживает внимание возникшее по аналогии с основами на *-й* окончание в слове *угаць*: *угацевь* 486.

Винительный падеж основ на -jo отличается в русском языке от старославянского склонения. В этом падеже вместо старославянского (е) в древнерусских памятниках имеем окончание на ё. В Музейном евангелии эта характерная черта древнерусского языка находит отражение в единственном случае: рѣцѣ 98а.

Интересно, что вместо старославянской флексии на -ѣ по древнерусскому произношению и графике видим букву -а в винительном падеже множественного числа у существительных с основой на -jo. Например: svoja mьrtvьsa 866, starьsa 746 и пр. Эти графические варианты падежных форм затрудняют понимание текста.

Некоторые существительные с основой на -jo в дательном падеже множественного числа имеют окончание на -омъ: ijudeomъ 136а, archiereomъ 1106.

Звательный падеж имени Zakchejь, Zakcheje 103а.

2. Основы на -й

Под влиянием основы на -о в древнерусском языке только 6 существительных сохраняло окончание по основам на -й. Ими являются: супъ domъ, медь, volъ, polъ, vьrchъ. Но они постепенно подвергались влиянию со стороны основ на -о, в результате чего получили падежные флексии по основам на -о. Конечным результатом такого процесса являлось их вымирание из системы склонения имён существительных. В этом отношении заслуживает внимания винительный падеж существительного супъ. Именительный и винительный падеж в определённый период истории старославянского и древнерусского языков совпадали в обеих основах. Когда возникла потребность отличать объект от субъекта, существительное супъ в винительном падеже получило флексию -а от основ на -о.

В Музейном евангелии имеются примеры употребления и старого, и нового окончаний: вь супъ 23а, proslavi супъ 27а, posьla супъ 49а, на супъ 80а, posьlju супъ 90б, privedochъ супъ 123б. Эти архаические формы восходят к старославянскому оригиналу, с которого переписывалась изучаемая рукопись. Наше предположение подтверждается тем, что в Ефремовской кормчей существительное супъ в винительном падеже единственного числа имеет форму супа.

Хотя в винительном падеже сохраняются старые формы, всё-таки значительно чаще употребляется родительный падеж основ на -о в функции винительного падежа: svojego супа 7а, 12а, 14а, 16б, 32б, (14 случаев). Из этого факта естественно можно сделать вывод о том, что в языке писца винительный падеж имени существительного супъ образовался от основ на -о.

Окончание родительного падежа единственного числа лучше всего сохранилось в имени существительном domъ: domu 5а, 49а, 61б, 74а, 74б, 91а. Имена существительные vьrchъ, polъ, volъ в родительном падеже имеют такое же окончание на -у: vьrchu 63б, ot polu 49б, volu 89а. Существительное супъ в родительном падеже, наоборот, имеет окончание -а: супа 7б, 45а, 46а, 33в, 139а (два раза). В дательном падеже единственного числа окончание -на -ови встречается очень редко: супови

137б, 148а. Характерной флексией этого падежа является -и, взятое от основ на -о: *супи својему* 17а, *супи* 42а, 51б, 72б, 96а, 127а, *domu* 46б, 58а, 73а, 85б, 92а, 94б, 103а, 108б, 109б, 115а.

В творительном падеже существительные с основой на -о, конечно, сохраняют своё прежнее окончание: *domътъ* 46б, *супътъ* 113б.

В местном падеже чаще встречается исконная флексия на -и: въ *domu* 16б, 26а, 33б, 56а (в шестнадцати случаях), въ *супи* 96а, 144б, на *polu* 31а. На влияние со стороны основ на -о указывает окончание местного падежа в существительном *супъ*: *syně* 88а.

Сосуществование древних и новых окончаний хорошо прослеживается в звательном падеже, в котором встречаем такие варианты, как *супи* 46б, 63б, 61а, 100в, 127а, но *супе* 33а, 71б, 100а, 100б.

Окончание именительного падежа множественного числа -ове: *супове* 17а, 24б (два раза), 41а, 45а, 48б (двенадцати случаев). В винительном падеже сохранилась старая флексия: *domu*, *супу* 44а, 60б, 65а, 104б, 107б, 132б. Сохранилось старое окончание и в родительном падеже множественного числа: *суповъ* 41б, 85б, 133б, *volovъ* 92а.

Дательный падеж оканчивается на -отъ: *супотъ* 50б. Он возник по аналогии с основами на -о.

Существительное *mirъ*, по происхождению принадлежавшее к основам на -и, полностью перешло к основам на -о. Оно совершенно не сохранило своё прежнее окончание: родительный падеж существительного *mirъ* — *mira* 9а, 12а, 12б и т. д. О давнем переходе данного существительного к основам на -о свидетельствует тот факт, что оно уже в Архангельском евангелии имеет формы основ на -о, кроме одного случая.²¹ Сильное влияние основ на -о проявляется и в двойственном числе, где мы можем обнаружить только формы, возникшие под влиянием основ на -о: *oba syna* 40а, 42а, 50а, 64б, 108а, 124б, 128б, 142а, *synu* 40а, *synoma* 40а.

Как из этого видно из основ на -й существительное *супъ* больше всего подверглось влиянию основ на -о. Это доказывается тем, что данное существительное в родительном падеже не имеет окончания на -и. Такое же явление обнаруживается и в Архангельском евангелии.²² Рассмотренные выше данные показывают, что в единственном числе происходило сильное влияние основ на -о. Древние падежные формы наиболее полно сохранены в местном падеже и, конечно, в творительном. Во множественном числе сохранилось значительно больше прежних флексий, чем в единственном. Влияние основ на -о в единственном числе в достаточно сильной мере проявляется в винительном падеже (у существительного *супъ*), в родительном, дательном, звательном падежах и в двойственном числе. Во множественном числе именительный и родительный падежи имеют старые флексии.

Подытоживая результаты наших наблюдений, можно сделать следующий вывод: хотя сохранившиеся в языке писца существительные с основой на -й в некоторых падежах ещё оканчиваются на флексии основ на

²¹ Соколова М. А. Цит. работа, стр. 123.

²² Соколова М. А. Цит. работа, стр. 124.

-й, их прежние окончания постепенно теряются, и существительные с основой на -й получают падежные окончания основ на -о.

Данные Музейного евангелия о судьбе -й основ дополняют друг друга. При анализе форм дательного падежа мы видели, что его характерным окончанием является -й, а не -ові. В тоже время у некоторых существительных с основой на -о, -јо, и -ї в редких случаях обнаруживается в дательном падеже единственного числа флексия на -ові: bogovi 100в, 103в, 108а, 131а; duchovi 77в, 83б; kesarevi 49а, 91а, ognevi 104б, gospodevi 132а. По лексико-семантическим особенностям окончание существительных bogъ, duchъ, kesarъ, gospodъ могли возникнуть на основе старославянского языка и попали в Музейное евангелие из оригинала. К особенностям языка писца относим только одну форму: ognevi. Так как форма дательного падежа даже у существительных с основой на -й была вытеснена формой о-основ, трудно представить себе, что под влиянием этих постепенно исчезающих из языка форм могли возникнуть окончания и у основ на -о. Количество форм дательного падежа на -ові, возникшего по аналогии в новгородском диалекте, было невелико, и формы с окончанием на, -ові можно считать реликтами прежней системы склонения. На этой основе возможно объяснение формы дательного падежа на -ові встречающегося в берестяных грамотах (Vasil'vi, Michalevi), как формы, образованной под влиянием книжного языка. Конечно, что писцами таких грамот были люди, имевшие определённое образование, которое обязательно было связано с книжным языком; в нём имелись такие формы, восходившиеся к старославянскому языку. Это предположение подтверждается и тем фактом, что в Новгородской летописи формы дательного падежа на -ові имеют имена Dragulovi, Sudilovi, Andrejevi, Gjurgevi, Jakunovi, Michalevi и только небольшое количество нарицательных существительных: otcevi konevi.²³ Формы otcevi, konevi и ognevi (в Музейном евангелии) можно считать реликтами старых форм, ранее возникших по аналогии с основами на -й.

3. Основы на -а

Твёрдая разновидность

Склонение имён существительных не вызывает замечаний. Существительное kana не склоняется: въ kana бб. Звательная форма имени существительного: sotona — sotonо 36б.

Мягкая разновидность

В именительном падеже встречаются формы, являющиеся результатом древнерусской графики, в которой гласный [а] передаётся буквой юс малый: zemlę ба, volę 11в (два раза). Они являются гомографами форм старославянского родительного падежа единственного числа, который представлен в Музейном евангелии: zemlę ба, 24б, 51а, 58, volę 11б, 116б. После букв ж, ш, ч, ц, и щ по графическим особенностям на

²³ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка, Москва, 1907, стр. 171.

месте старославянской флексии на -ѣ часто встречается буква а: *ne imy odeža* 52a. Такие формы хорошо показывают нам смешение древнерусских и старославянских элементов. Вместо старославянского слова *odežda* писец употреблял русское слово *odeža*, но оно получило старославянское окончание, которое передавалось по древнерусскому произношению. На этой основе возникли такие формы, как *prityča nikoje-ja ne glagoleši* 148. а, а, *prityča ni jedinoja*. Вместо буквы ѣ писец употреблял буквы ја: от *Galileja* 31a, 31в, 496, от *Idomeja* 49a. В этих случаях только текст определяет точное падежное значение.

В родительном падеже мягкого варианта имеется и живое древнерусское окончание: *ršenicě* 856, 86a, *bratě* 426. Встречается также и старославянское окончание на -ѣ: *samaręnyč* 17a, *pustyč* 236 и пр. В именительном и винительном падежах мягкой разновидности во множественном числе встречаем сходные явления, как и в родительном падеже единственного числа.

Представлена и древнерусская флексия: *pticě* 51a, 72a, 866, *sodomęnyč* 676. В большинстве случаев имеем вышеописанные смешанные формы: *овьса*, 206, 566, *овьса* 206, *ljuboděica* 42a и т. п. Известно также старославянское окончание: *bljudnicę* 129a.

При анализе рассмотренных смешанных форм возникает вопрос, не отражается ли в этих формах фонетическая тенденция изменения [e] > [ʼa]. Такой процесс был известен в некоторых северных диалектах древнерусского языка. В псковских памятниках имеются такие формы, как *въčrevja* = местный падеж единственного числа

отьса = звательная форма

proglaša = имперфект, 3-ье лицо

Надо учитывать, что в псковских памятниках эта тенденция происходит только в XIV веке, когда гласный (ѣ) совпал с гласным (е).

В нашем памятнике возможность такого перехода [e] > [ʼa] исключена. Наше мнение подтверждается фактом, что, кроме родительного падежа единственного числа именительного и винительного падежей множественного числа основ на -ја, винительного падежа множественного числа основ на -јо и винительного падежа множественного числа существительных с суффиксом -тель, -агъ не находим в Музейном евангелии на месте (ѣ) гласный (а).

Существительные *samaręnyč* 17a, *mъlnii* 46a, *sudii* 826 сохраняют старые формы именительного падежа единственного числа.

Форма родительного падежа, встречаемого на странице 24a, *rolьzę* свидетельствует о том, что это существительное склонялось по основам на -ја.

Под влиянием родительного падежа твёрдой разновидности возникла форма родительного падежа на -і: от *Galilei* (66). В родительном падеже -ја основ уже с древнейших времён имеется окончание на -і: *iz otrokovici* в Минее 1095 года,²⁴ *nadeži*, *služьbьnici* в Ефремовской кормчей. Подобные случаи известны и из новгородских берестяных гра-

²⁴ Комарович Л. В. Цит. работа, стр. 43.

²⁵ Обнорский С. П. Цит. работа, стр. 68.

мот: Mikulici в грамоте №54 (XIII век), ot Nastasyji в грамоте №49 (XIV век), ot Griksi в грамоте №3 (XIV век).²⁶ Эти данные доказывают, что в новгородском говоре, начиная с XI века, хотя и редко, но имело окончание на -i в родительном падеже единственного числа существительных женского рода на -ja.

Наконец, необходимо ещё одно замечание относительно склонения существительного bratъja, имеющего собрательное значение. Оно сохраняет значение единственного числа и известное нам в современном русском языке (например, наша bratъja, bratъja монастырская).

Об употреблении этого существительного в единственном числе говорят нам такие формы, как bratiju (твор. п.) 93a, 996, 116a, ni bratъja 84a. Но форма родительного падежа множественного числа ot bratii moichъ 114a свидетельствует о том, что значение множественного числа уже было в процессе оформления. Интересно сравнение формы ot bratii moichъ с формой, имеющейся в Супрасльской рукописи: ot bratъje moje. Из него явствует, что процесс, следствием которого было употребление этого собирательного существительного в значении множественного числа, протекал в XII веке и в новгородском говоре.

4. Основы на -i

Существительные с основой на -i не вызывают замечаний. Окончание творительного падежа единственного числа этих существительных в мужском роде -ьть: ognьть, 32a, 48a, 646, putьть 42a. Оно известно и старославянским памятникам, и находится, между прочим, в Зографском евангелии и в Саввиной книге.²⁷

В дательном и местном падежах множественного числа флексия -ьть, ѡьчъ: dььгьть 5a, 66, 48a; вь ljudьчъ 226, 93a, вьвьсьчъ 566, putьчъ 140a. Окончание имён существительных на -ьть, -ьчъ особенно часты в Саввиной книге.

Основы на -i были параллельны формам основ на -i в индоевропейском языке. В общеславянском языке этот параллелизм прекратился, и позже именительный падеж единственного числа основ на -i совпал с именительным падежом основ на -jo. Результатом этого совпадения было влияние последних на склонение существительных мужского рода. В исторический период жизни русского языка существительные мужского рода с основой на -i постепенно переходили к основам на -jo.

Существительное ognь рано перешло в склонение на -jo, потому что его дательный падеж с древнейших времён оканчивается на -ju: ognju 646. Его родительный падеж образован также по основам на -jo: ognе 45a, ognе 116.

Влиянием основ на -i объясняются формы дательного падежа единственного числа на -evi: ognevi 104, gospodevi 132a.

Б. Основы на согласные

Богато представлены в Музейном евангелии и основы на согласные.

Как известно, основы на согласную не сокращались в пользу

²⁶ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 105.

²⁷ Ван Вейк Н. Цит. работа, стр. 247.

окончаний. В этих основах после выпадения конечных согласных, хотя и сократились прежние окончания, морфологическая граница между основой и окончанием оставалась одна и та же. Не смотря на это, очень рано начинается распад основ на согласный. Существительные этой группы переходят постепенно к основам на гласные. Естественно, что этот процесс охватывал длительный период истории русского языка. В древнерусском языке раньше всего прекратилась существовать самостоятельность основ на -s.

Наши исследования начнём именно с этой основы.

1. Основы на -s

Распад этого склонения начался уже в общеславянском языке. Причиной его являлось затемнение определителей корня. Кроме того, большое значение имело то, что именительный и винительный падежи единственного числа имён существительных типа *slovo*, *tělo* совпали с теми же падежами имён существительных с основой на -o типа *selo*.

Вследствие этого основы на -s постепенно переходят в основы на -o. В живом русском языке во время образования письменности основы на -s не склонялись отдельно. Они склонялись уже в древнейших памятниках по основам на -o. Так, например, в Пандектах Антиоха имеем форму на -o: *neboтъ*;

Несколько позднее они под влиянием старославянского языка появляются в определённых стилях литературного языка, но в то же время они были чуждыми для разговорного языка. В новгородских берестяных грамотах существительное *slovo* склоняется по основам на -o: *bez tvojego slova*²⁸ (грамота №17, из XV столетия).

Родительный падеж единственного числа бывших основ на — оканчивается на -e: *tělese* 5a, *slovese* 9a, 42c, 55b, 60b, 128b; *nebese* 76a, 95a, 101b, 142c; *očese* 67b.

Встречается и окончание на -i: *slovesi* *mojego* 76b. У существительного *nebo* в родительном падеже единственного числа вместо -e можно обнаружить флексию на -ě: *съ nebesě* 4a, 42a, 62a, 73b, 90b, 93b, 118b, 130b, 137a. Такая же флексия имеется в Ефремовской кормчей²⁹: *telesě*.

П. С. Обнорский, исследователь памятника, не объясняет эту форму. По нашему мнению, ё в этих случаях объясняется церковным произношением гласного [ě]. Вместо этого гласного искусственно произносился [e] и обротно, на месте e писали иногда ё. Окончание дательного падежа -i: *nebesi* 36a, 39a, 106b; такое окончание имеют эти основы в именном падеже: *slovesi* 16b, 43b, 49a, 103; *nebesi* 43a, 46b, 75a и т. д., *drěvesi* 119a.

Живой древнерусский язык отражается в тех падежах данных существительных, которые образованы уже по образцу основ на -o: *těla* 27a; *ot drěva* 57a, *nebu* 36a, 86a, *tělu* 78a, *slovъть* 48a, 74b, 131a, *těлъть* 55b, 81a, 103a, *očě* 67b.

Заслуживает внимания форма именительного падежа множественного

²⁸ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 107.

²⁹ Обнорский П. С. Цит. работа, стр. 68.

числа: slovesy (91a). В творительном падеже окончание -у: slovesy 118a, а в местном падеже встречаем варианты на -ěchъ и -ьchъ nebesěchъ 16, 47c, 67a, 916 (в десяти случаях): nebesьchъ 99a; slovesьchъ 101a, 1016.

Флексия местного падежа на -ěchъ множественного числа считается формой, возникшей по аналогии с основами на -о.

Как мы видим отсюда, отсутствие основ на -s очень хорошо отражено в Музейном евангелии.

2. Основы на -п мужского рода

Существительное дѣнь сохраняет своё архаичное окончание в родительном падеже единственного числа: dъne 236, 576, 616, 87a, 110a, 135a, 153a, но известна и флексия, образованная по основам на -ї: ot dъni того 556. Творительный падеж оканчивается на ьтъ: dньтъ 1026. В местном падеже находим -і: o dni 576.

Именительный падеж множественного числа этого существительного был образован как собирательное существительное: dъnje 46 (дважды), 486, 876, 90a, 1306. Прежнее окончание родительного падежа множественного числа, по А. Вайану³⁰, сохраняется только в сочетании с именем числительным; в других случаях было обобщено окончание, возникшее под влиянием основ на -ї. В Музейном евангелии это существительное в родительном падеже множественного числа имеет форму, образованную по основам на -jo: dънь 66; šesti dънь 127a.

В именительном падеже единственного числа мы встречаем форму камень, которая по происхождению является формой винительного падежа единственного числа. Например: kamenъ na kameni 105a, 1336, 496, 546, 91a, 936.

По своей фонетической особенности интересна форма именительного падежа единственного числа: kamopъ 106.

Окончание родительного падежа -е: korene 52a, 72a, 90a, 157a. В местном падеже представлена флексия на -і: kameni 51a, 52a, 626, 686. Только один раз встречается форма на -е: kamene 42в.

Как видно, существительные с основой на -п ещё сохраняли свои архаические окончания, хотя влияние ї-основ и jo-основ довольно заметно в некоторых формах. Дольше всех сохранялось окончание родительного падежа единственного числа на -е, которые встречается даже в памятниках XVI века, кроме того, оно было известно в некоторых говорах русского языка в начале нашего века.

3. Основы на -п и -t среднего рода

В родительном падеже эти существительные, вообще, сохраняют старую флексию на -е: sēmene 31a, 1316; plēmene 426; vrēmene 63a, 82a, (восемь случаев); kozęte 108a, imene 106a. О влиянии основ на -ї свидетельствует окончание на -і в родительном падеже: imeni mojego 103a.

Окончание дательного падежа -і: otročęti 124a. В творительном падеже встречается флексия на -ьтъ: imenьтъ 54a, 746, 966, 125a, 1546.

³⁰ Вайан А. Руководство по старославянскому языку, Москва, 1252, стр. 127.

В местном падеже уже вполне обобщена флексия на -i: vŕěmeni 58a, 105b, 135a; imeni 73a, 96b; žrěbětī 82a.

Существительное děte образовало своё множественное число при помощи существительного женского рода děti. Оно склоняется в родительном падеже множественного числа по основам на -i: dětii 36a, 38c, 39a, 87b.

4. Основы на -r

В родительном падеже единственного дисла известны архаичные формы на -e: matere 34b, 80b, 156b; но известны и формы, возникшие по аналогии с основами на -i: materi 134a; dŕšteri 60b.

В дательном падеже обнаруживается и окончание на -e, что можно считать опиской: nese matere svojež.

5. Основы на -u

В именительном падеже единственного числа встречаем архаичные окончания: sŕky 5b, 44b, 79a, 192b; smoky 40b, 101a. Естественным исключением этой закономерности является существительное* kŕy, у которого уже в старославянских памятниках имеется форма винительного падежа единственного числа в именительном падеже: vŕšeka kŕvŭ 133b, 14a, 154a.

Форма винительного падежа не вызывает замечаний: vŕ sŕkŭvŭ 40b, svekŕvŭ 81a; ljubovŭ 144a, smokŭvŭ 40b.

Родительный падеж оканчивается на -e: kŕvŕe 1b, 45a (дважды), 55b; ljubŕve 9a, 78b, 80b; smokŕve 79a, 133b.

Известна и флексия, образованная по основам -i: kŕvi 12a, ot kŕvi do kŕvi 79a, 133b, smokŕvi 128b.

Из старославянских памятников для Синайской псалтыри характерна эта флексия. Насчёт форм на -i можно сказать, что они отражают особенность живого древнерусского языка, в котором существительные с основой на -u переходят к существительным с основой на -i.

Во всех случаях в местном падеже единственного числа эти существительные оканчиваются на -i: vŕ sŕkvi 13b, 15b, 16a (десять случаев); smokŕvi 82a.

6. Множественное число существительных с суффиксом на -telŭ, -agŭ, -ipŭ

В основном именительный падеж множественного числа имеет окончание -e: rimlene 23b, žatele 32a, cēsare 41a, 66a, 75a, 139, mytare 42a, 68b, 129a (дважды); učitele 66a, galileane 82b, dělatele 49a, 90b, 94b, 129a.

Но имеются и отклонения от этой нормы. Существительное губарь имеет в этом падеже флексию на -i: губарі 64a, форму mytarē на странице 42b можно объяснить как древнерусский винительный падеж множественного числа, употребляемый в именительном падеже. Форма ijudeiny (страница 19a) интересна, потому что она сохраняет суффикс -ipŭ и во множественном числе, причём окончание множественного числа не -e, а -y, которое оформилось под влиянием винительного падежа множественного числа основ на -o.

В винительном падеже встречаем старославянские формы: *dělatele* 39б, 73б, 91с, 95а; но *mytarě* 56а под влиянием живого языка. Родительный падеж существительных с суффиксом на *-aninъ*, *-janinъ* не вызывает замечаний: *ijerusalemļenъ* 15а, *sodomļenъ* 40б, *samarļenъ* 18б.

Родительный падеж существительных с суффиксом *-telъ* указывает на влияние основ на *-jo*: *dělatelъ malo* 73а.

Дательный падеж оканчивается на *-emъ*: *učitelemъ* 44а, *dělatelemъ* 49а (дважды), 49б, 90б; *vlastitelemъ* 91а, *žatelemъ* 102а.

Существительное *sodomļaninъ* в дательном падеже множественного числа испытало влияние основ на *-o*: *sodomļenomъ*. При чём этот вариант часто встречается в церковнославянских памятниках. Существительное *židovinъ* имеет форму именительного падежа множественного числа на *-e*: *žideve* 59а, 125аб, 126б, 150б, 152а, 153а, 156б. Родительный падеж *židovъ* 126а, 127б.

3. На этом мы кончаем рассмотрение системы склонения имён существительных в Музейном евангелии. Конечно, на основе только одного памятника нельзя составить точную картину о новгородском говоре конца XII века. Для этого необходимо разобрать и детально описать все памятники русского языка. Только результатом анализа всех памятников можно получить точную и достоверную картину вышеназванного говора. Настоящая статья намерена быть скромным вкладом в эту большую работу.

ОКРАШЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Иштван Пете

Всякий глагол обозначает процесс, а процесс не может мыслиться нами иначе, как нечто протекающее во времени. «Глагол — это прежде всего «темпоральная» часть речи» — говорит проф. *А. В. Исаченко*.¹ (В связи с этим можно сослаться и на названия глаголов в некоторых языках. Так, например, в немецком языке «глагол» — это *Zeitwort*, «темпоральное слово», в польском *czasownik*, которое образовано от слова *czas*, имеющего значение «время».) Из этого вытекает, что категория времени является одной из наиболее важных грамматических категорий глагола. Несмотря на всю важность этой категории «учение о формах времени в традиционной русской грамматике явно обеднено и схематизировано»².

Категория времени показывает отношение действия к моменту сообщения об этом действии (к моменту речи). Так мы можем говорить о *настоящем* — действие совпадает с моментом речи, *прошедшем* — действие предшествует моменту речи, и *будущем временах* — действие следует за моментом речи. Этот способ выражения времени лингвисты называют **абсолютным** временем. Кроме абсолютного времени в лингвистической литературе различают и т. наз. **относительное** (релятивное) время, когда категория времени показывает отношение момента одного действия к моменту другого действия. По относительному времени мы различаем **одновременность** действий — время двух или больших действий совпадает в настоящем, в прошедшем или в будущем *преждевременность* — одно действие предшествует во времени другому действию, и *послевременность* — время протекания одного действия следует за совершением другого действия. Относительное время выражает усложненное временное значение, в котором отношение момента действия к моменту речи в придаточном предложении выражается через время другого действия, определяемое к моменту речи с точки зрения говорящего в главном предложении. Напр.: *Он сказал, что переведёт статью к пяти часам. Он сказал, что перевёл статью к пяти часам.* Для выражения относительного временного значения в некоторых языках имеются особые временные формы (напр. в английском, немецком). В русском языке глагол не имеет относительных временных форм, однако при выражении относительных времён значительную роль играет вид глагола в той или иной временной форме. На основании возможности

¹ *А. В. Исаченко*, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II, Братислава, 1960. стр. 419.

² *В. В. Виноградов*, Русский язык. 1947. стр. 539.

употребления временных форм глагола для выражения абсолютного и относительного времени принято говорить в лингвистической литературе о *первичных* функциях, или о *прямом* употреблении временных форм (настоящее, прошедшее, будущее) и *вторичных* функциях временных форм глагола (одновременность, преждевременность, послевременность). (Относительно отношения прямого и вторичного употребления временных форм глагола см. статьи *Н. С. Поспелова*, *Е. Кржижковой*, *А. В. Бондарко*³).

В русском языке, как знаем, категория времени глагола тесно связана с категорией вида и наклонения. Связь эта в обеих грамматических категориях проявляется двояко. Во-первых, от вида и наклонения глагола зависит самая система его временных форм. Только глаголы несовершенного вида и изъявительного наклонения имеют все три времени, при этом будущее время у них сложное (читает, читал, будет читать). Глаголы совершенного вида в изъявительном наклонении имеют только два времени: прошедшее и простое будущее (прочитал, прочитает). Глаголы в повелительном и условном наклонении не имеют времени в русском языке. (В венгерском языке, например, в условном наклонении глаголы различают время: *olvásnék* настоящее, *olvastam volna* прошедшее время; они переводятся на русский одинаково «Я читал бы».) Во-вторых, значения временных форм глагола осложнены видовыми и модальными значениями. Видовые и модальные значения присутствуют в любой временной форме глагола.

Целью данной работы является выявление тех способов употребления предикативных форм глагола в индикативе, когда данные формы, кроме основного видового и модального значения изъявительного наклонения в первичных и вторичных функциях временных форм выражают ещё и «ряд дополнительных оттенков, конкретизирующих и живописующих осуществление действий»⁴. Употребление временных форм глагола в изъявительном наклонении для выражения таких дополнительных оттенков мы обозначаем термином «окрашенное употребление временных форм глагола». Введение этого термина нам кажется целесообразным с точки зрения более удобного разграничения основных и дополнительных оттенков модального и видового значения временных форм глагола. При этом надо иметь в виду, что об окрашении временных форм глагола мы говорим только в том случае, если различия в дополнительных значениях связываются с различием конструкций, если в языке имеются такие конструкции, которые внутри основного модального или видового значения можно противопоставить друг другу в качестве носителей дополнительных живописующих значений. «Нередко это связано, как указывает *А. Н. Гвоздев*, с использованием разных видов глагола и с заменой одних форм времени другими. В результате оказывается большое количество форм, близких по значению, которые отличаются лишь тонкими

³ *Н. С. Поспелов*, Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка, М., 1955. *Е. Кржижкова*, Категория времени в современном русском языке, «Вопросы языкознания», 1962/3, *А. В. Бондарко*, Система глагольных времён в современном русском языке. «Вопросы языкознания» 1962/3.

⁴ *А. Н. Гвоздев*, Очерки по стилистике русского языка, Москва, 1955, стр. 208.

оттенками и нередко допускают взаимную замену»⁵. Этим объясняется, с одной стороны, что в некоторых работах⁶ в связи с т. н. *транспозицией* времён освещаются такие явления, которые мы называем окрашенным употреблением временных форм, имея в виду, что транспозиция времён является только одним, правда, основным средством создания дополнительных живописующих значений. С другой стороны, возникновение большого количества форм, близких по значению, вследствие окрашенного употребления времён создаёт такое ошибочное, на наш взгляд, представление, по которому «грамматических категорий», соответствующих «естественным» временам, в русском языке нет. На основании этого проф. А. В. Исаченко предлагает исходить из вопроса: «Какие временные значения имеют те или иные предикативные формы индикатива?», исходя из системы временных форм. Так значения временных форм определены «не столько на основании их отнесённости к одному из эмпирических временных планов, а в первую очередь на основании их соотносённости с другими временными формами»⁷. Мы придерживаемся того мнения, что необходимо разграничить прямое, относительное и окрашенное употребление временных форм глагола друг от друга, показывая при этом отношение этих форм к «естественным» временам и друг к другу. Нам кажется, что для разграничения прямых, относительных и окрашенных значений отдельных временных форм объективным критерием может служить соотносённость этих значений к «естественным» временам, т. е. к моменту речи.⁸ Нечёткое разграничение вышеуказанных случаев употребления временных форм глагола может привести и к тому, что отдельные окрашенные формы глагола неправомерно включаются в временную систему русского глагола. При этом можно сослаться на предложенную А. В. Бондарко систему видо-временных форм русского глагола, в которой форма *решу* выражает два звена в системе: «настоящее совершенное» и «будущее совершенное»⁹, или же на полемику проф. А. В. Исаченко с академиком В. В. Виноградовым, по мнению которого «сочетания глагола *стану, стал* с инфинитивом (*стану работать, стал работать*) представляют собой аналитическую видо-временную форму глагола, но которые кроме будущего времени выражают и другие оттенки модального значения»¹⁰.

Окрашенное употребление временных форм глагола происходит в первую очередь при употреблении временных форм, определяемых с точки зрения говорящего, но встречаются и в относительном употреблении временных форм (напр. «историческое настоящее»). Различаем два основных случая такого употребления: окрашивание основного модального значения индикатива, или же окрашивание основного видового значения временной формы глагола. Говоря о замене времён и наклонений, А. М. Пешковский возникновение та-

⁵ А. Н. Гвоздев, Там же, стр. 208.

⁶ См. напр. А. В. Isačenko, Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I, Halle (Saale), 1962, S. 283.

⁷ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка, II, стр. 442.

⁸ См. в связи с этим упомянутую статью Е. Кржижковой, стр. 22.

⁹ А. В. Бондарко, Система глагольных времён в современном русском языке. «Вопросы языкознания», 1962/3, стр. 29.

¹⁰ А. В. Isačenko, Die russische Sprache der Gegenwart, I, S. 286.

ких окрашенных значений объясняет наличием полного противоречия между значением формы и реальными условиями речи, причиной возникновения которого служит тот факт, «что реальные условия часто гарантируют верное понимание и у говорящего является желание воспользоваться формальным значением как чистой формой, сознательно наложить определённый оттенок на неподходящее для него содержание»¹¹. Мы не намерены рассмотреть все случаи окрашенного употребления временных форм глагола в русском языке, ведь многие из них детально изучены в первую очередь в работах *А. М. Пешковского*, *В. В. Виноградова*, *А. Н. Гвоздева*, *В. М. Никитевича* и *А. В. Исаченко*¹². (Правда, в связи с транспозицией (заменой) времён или с описанием значения временных форм и окрашенное употребление временных форм в прямом и относительном значении не всегда разграничено).

I. Основным значением форм изъявительного наклонения является простое констатирование, утверждение или отрицание действия в настоящем, прошедшем и будущем. Индикатив является «прямой модальной категорией реальности»¹³. Кроме этого основного значения разные формы изъявительного наклонения могут выразить «множество модальных оттенков высказывания»¹⁴ в сопровождении разнообразия интонаций, в сочетании с модальными частицами и словами. Так возникают разнообразные модальные типы глагольных предложений (*Он приехал* — повествовательная, — *Он приехал?* — вопросительная, *Он приехал!* — восклицательная модальность) и ряд модальных конструкций аналитического типа. В рамках изъявительного наклонения внутри отдельных модальных типов предложения можно говорить и о синтетических типах выражения модальных оттенков, которые изъявительное наклонение часто приближают «по оттенкам своих значений к другим наклонениям глагола»¹⁵.

Индикатив выражает реальную связь действия с субъектом. Эта реальная связь действия с субъектом может проявляться ещё только как возможная или как уже необходимая. Эти оттенки реальности связей могут выразиться и в языке.

1. Формы глагола в индикативе кроме сообщения о действительности могут указывать и на ВОЗМОЖНОСТЬ и НЕВОЗМОЖНОСТЬ осуществления действия, для выражения которых служат в первую очередь условное наклонение, глагол *мочь*, модальные слова *нельзя*, *невозможно*. *В. М. Никитевич* детально занимается этой проблемой и

¹¹ *А. М. Пешковский*, *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва, 1956. стр. 208.

¹² См. упомянутую книгу *А. М. Пешковского* на страницах 208—213, *А. Н. Гвоздева* на страницах 208—220, *А. В. Исаченко* на страницах 419—469, *В. В. Виноградова* на страницах 539—581, статью *В. М. Никитевича* «Некоторые модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке» (*Вопросы изучения русского языка*, Алма-Ата, 1955 стр. 179—227).

¹³ *В. В. Виноградов*, *О категории модальности в русском языке*. (Труды Института русского языка), 1950 стр. 50.

¹⁴ *В. В. Виноградов*, *Русский язык*, стр. 587.

¹⁵ *В. В. Виноградов*, Там же.

поэтому мы не будем рассматривать подробно этот вопрос, он различает, во-первых, глаголы с оттенками значения «объективно-обусловленной» возможности (невозможности), когда обуславливающей причиной возможности или невозможности действия является внешний фактор, независимый от субъекта, — качество материала и такие типы модального окрашивания индикатива встречаются в формах простого будущего — *Из осины не выйдет ни сохи, ни дубины.* (Ф. Гл.) = *Из осины не может выйти ни сохи, ни дубины* — прошедшего — *Встав изо стола, я чуть держался на ногах (чуть мог держаться).* (П.) Ср. *Он держался за уступ,* — настоящего времени — *А дуги гнут с терпеньем и не вдруг.* (Кр.) Ср. *В этой мастерской гнут дуги. Я не сплю с того дня, как вы появились здесь (не могу спать).* (Андр.) Ср. *Я уже не сплю (действительно не сплю),* в вопросительных предложениях — *Какой груз поднимает (может поднимать) новый экскаватор? Когда я к вам зайду (могу зайти)?*; во-вторых, глаголы с оттенками значения «субъектно-обусловленной» возможности (невозможности), когда обуславливающей причиной возможности (невозможности) действия является сам субъект действия: *Я одной рукой только поднимаю два пуда.* (А. Ч.) Ср. *Я одной рукой только могу поднять два пуда*¹⁶. В связи с этим необходимо сослаться на критические замечания проф. Т. П. Ломтева, по которому вышеуказанная работа В. М. Никитевича целиком построена «на основе применения метода субъективного истолкования смысла выражения и последующего приписывания его грамматическим средствам в качестве их грамматического свойства»... «Он не учитывает того, что для доказательства наличия модального значения той или другой глагольной формы изъявительного наклонения необходимо исследовать объективные критерии, а не ограничиваться субъективным истолкованием смысла предложения». Далее «Автор полагает, что если языковое чутьё подсказало ему какое-либо наблюдение, то для доказательства его достаточно привести то или другое количество примеров»¹⁷. Например: глаголам *берёт* и *горит* в предложениях *Смелость города берёт; Правда в огне не горит;* по Ломтеву нельзя приписывать грамматическую категорию возможности — невозможности на том основании, что содержание этих предложений можно истолковать в таком смысле: *Смелость может брать города; Правда в огне не может гореть.* Критические замечания проф. Т. П. Ломтева относительно работы В. М. Никитевича мы считаем в основном несправедливыми. В. М. Никитевич в своей работе говорит не о грамматических категориях возможности — невозможности, а о формах изъявительного наклонения с оттенком значения возможности и невозможности как о дополнительных средствах выражения значений косвенной модальности и при этом он стремится найти объективные критерии для доказательства наличия модального окрашивания той или другой глагольной формы. (Возможно,

¹⁶ В. М. Никитевич, Упомянутая статья, стр. 190.

¹⁷ Т. П. Ломтев, Основы синтаксиса современного русского языка, Москва, 1958, стр. 39—40.

что вследствие отсутствия таких объективных критерий, он и не разработал намеченные под пунктом «Б» глаголы с оттенками значения «субъективно-обусловленной» возможности (невозможности). Тут слышимся на находящееся в его работе заглавие «Грамматическая обусловленность модальных оттенков возможности (невозможности) в глаголах изъявительного наклонения» и, на наш взгляд, мы уже должны принять объективным критерием сопоставления возможностей такого рода, как *Смелость может брать города — Смелость города берёт* (ср. *Ученик берёт книгу со стала*), имея в виду, что речь идёт об оттенках модальных значений. Такие предложения можно даже сопоставить и с инфинитивными модальными сочетаниями — *Смелости города брать*. Правда, *В. М. Никитевич* иногда приписывает модальный оттенок возможности (невозможности) действия формам индикатива и в том случае, когда они обусловлены и не только «поддерживаются» приглагольными наречиями, как, например, в формах прошедшего времени, где трудно говорить об индикативе с оттенком значения возможности и невозможности.¹⁸ В дальнейшем не совсем можно согласиться и с тем утверждением *Никитевича*, согласно которому в инфинитивных модальных сочетаниях значение косвенной модальности является единственным, в то время как формы будущего времени совершенного вида прежде всего выражают основное значение изъявительного наклонения.¹⁹ По его мнению предложение *Такое дело голосованием не решишь* отличается от предложения *Такое дело голосованием нельзя решить* тем, что в первом предложении вместе с указанием на невозможность действия отрицается сам факт действия в будущем. Если в первом предложении формы индикатива выражают невозможность действия в будущем, тогда чем можно объяснить, что этой форме может соответствовать только то инфинитивное сочетание, которое не имеет глагольной связки? По мнению акад. *В. В. Виноградова* это возможно потому, что «при этом оттенке потенциальности действия, при модальном подчёркивании мыслимости или немыслимости результата, форма будущего времени (обычно также с отрицанием) распространяется и на настоящее время»²⁰. Предложение *Ты сам легко это поймёшь* относится и к настоящему и будущему и могут соответствовать ему инфинитивные сочетания без связки и с связкой *будет* — *Это легко тебе понять* и *Это легко будет тебе понять*. (В прошедшем времени индикатива уже нет такого окрашенного употребления, что показывает и употребление модального глагола *мочь*. *Ты сам легко мог это понять* = *Это легко было тебе понять*.) Но всё-таки более частое употребление инфинитивных сочетаний без связки *буду* параллельно с окрашенным будущим временем разговорной речи объясняется тем, что и инфинитивные сочетания без временной конкретизации связками в первую очередь выражают модальное значение и окрашенные формы индикатива выражают такое же модальное значение, значит связь бо-

¹⁸ См. примеры в упомянутой работе *В. М. Никитевича* на 196—197 стр.

¹⁹ *В. М. Никитевич*, Указ. статья, стр. 159.

²⁰ *В. В. Виноградов*, Русский язык, стр. 574—575.

лее естественна. См. примечательный пример *Никитевича* с параллельным употреблением форм простого будущего и инфинитивного сочетания в сходном модальном значении: *Что же, всех и не увидишь, С каждым к ростаям не выйдешь, На прощанье всем не лезя Заглянуть тепло в глаза.* (А. Твард.) На связь окрашенного простого будущего с настоящим временем указывают и их параллельные употребления в таких устойчивых сочетаниях, как *Гляжу — не наглажусь. Смотрю — не посмотрюсь. Она ждёт — не дожждётся его. Это не вода плещет, меня не обманешь, это его длинные вёсла.* (Лерм.)

Некоторые связывают наличие модального оттенка значения возможности-невозможности и с лексическим значением глагола. Так *В. М. Никитевич* указывает, что «в современном русском языке выделяются такие глаголы, которые в формах изъявительного наклонения имеют оттенки значений возможности (невозможности) обычно всегда и вне зависимости от контекста. Объединяющим моментом для этих глаголов в отрицательной форме является выражение действий, осуществление которых невозможно вопреки воле субъекта». «Приставки и суффиксы могут как бы предопределять модальный оттенок глагольной формы»²¹. *О. П. Рассудова* выделяет некоторые группы таких глаголов с определёнными приставками²². Таковы, напр., глаголы с приставкой *на-* (с частицей *-ся*): *не наглажусь, не нагуляюсь, не надышусь, не наговорюсь, не напьюсь*, которые по *А. В. Исаченко* имеют сатуративный оттенок результативной совершаемости²³; глаголы с приставкой *до-* (с частицей *-ся*): *не дождусь, не дозвонюсь, не достучусь, не доберусь*, которые по *Исаченко* выражают эксгаустативный оттенок значения («довести субъект действия до полной исчерпанности, до невозможности продолжать действие») ²⁴; глаголы с приставкой *у-* (с частицей *-ся* и без неё): *не угонюсь, не уживусь, не утерплю, не усужу*; глаголы с приставкой *вы-*: *не выдержу, не вынесу, не вытерплю, не вытяну*. Ограничить возможность употребления простого будущего времени на некоторые лексические группы глаголов с определёнными приставками, как нам кажется, является весьма затруднительным. Количество таких глаголов с разными приставками легко можно увеличить, особенно с отрицанием (*Всего не перескажешь. Не придумано, как выйти из этого положения. Мечтам и годам нет возврата; Не обновлю души моей...* Пушкин, Евг. Он.) *Я не разберу, что он говорит.*), «что следует объяснить определённой близостью отрицания реальности факта с понятием невозможности»²⁵. Поэтому, на наш взгляд, решающим фактором при окрашенном употреблении форм индикатива со значением возможности или невозможности действия является изменение в временной соотносённости этих форм: формы простого будущего распространяются и

²¹ *В. М. Никитевич*, Указ. работа, стр. 205—206.

²² *О. П. Рассудова*, Употребление времён глагола в русском языке. (Сб. «Русский язык для студентов-иностранцев»), Москва, 1957, стр. 14.

²³ *А. В. Исаченко*, Указ. книга, стр. 246.

²⁴ *А. В. Исаченко*, Там же, стр. 245.

²⁵ *В. М. Никитевич*, Упомянутая статья, стр. 192.

на настоящее (*На поля, сады На зелёные, Люди сельские не на- смотрятся. (Кольцов, Урожай)*) и формы настоящего вследствие т. н. «вневременного употребления» и на будущее (*Смелость города берёт*). Это происходит в прямом (абсолютном) временном употреблении главным образом в обобщённо-личных и неопределённо-личных предложениях (*Змею обойдёшь, а от клеветы, не уйдёшь*), или с параллельным употреблением с формами настоящего времени (*Вечером мы пьём чай и не наговоримся об проведённом дне, богатом разнообразными событиями* (Гоголь, Письмо Г. И. Высокому, 19 марта 1827)). В относительном же употреблении формы простого будущего со значением возможности или невозможности действия выражают в первую очередь модальное значение и главным образом в форме второго лица единственного числа, что объясняется тем, что функцию отнесённости этих предложений к временному плану выполняют другие глаголы и в разговоре чаще всего формы 2-го лица употребляются в обобщённых значениях. См. следующие примеры: . . . *потом я уже и сам пристрастился к книгам, да так, что не оторвёшь.* (Шолохов, Поднятая целина). *А будет хороший урожай — и перепадёт колхозникам на трудовые дни богато, да разве тогда повернёшь добром их против советской власти.* (Шолохов, Поднятая целина). *Где-то позади остался, скрылся за изволоком Гремячий Лог, и широкая — глазом не окинешь — степь поглотила Давыдова.* (Шолохов, Поднятая целина).

В связи с этим типом окрашенного употребления форм простого будущего времени мы должны ещё сказать несколько слов об интересной статье А. В. Бондарко, в которой предлагается представить видовременные формы русского глагола таким образом, что и глаголы совершенного вида состоят из трёх «временных рядов»: из прошедшего совершенного (*решил*), настоящего совершенного (*решу*) и будущего совершенного (*решу*).²⁶ Настоящее совершенное он называет и неактуальным настоящим и для проявления такого временного значения необходимы специальные условия: наличие отрицания и модального оттенка невозможности (*Никак не решу эту задачу*), чтобы была обозначена или подразумевалась его повторяемость, обычность и при этом обязательно наличие хотя бы двух соотносительных действий (*Если он решит что-нибудь, то решений своих никогда не меняет*). На наш взгляд при таких условиях трудно говорить о существовании какой-либо грамматической категории. Трудно согласится и с тем, что в контексте формы простого будущего реализуют «то значение будущего, то настоящего»²⁷. Ведь сам термин «неактуальное настоящее» подсказывает, что действие будет «актуальным» в будущем, распространяется и на будущее. Взять хотя бы примеры А. В. Бондарко «*Что-то я тебя, старичок, никак не разберу*» (Герман, Один год), «*Жить своею жизнью в среде неприязненной и пошлой, гнетущей и безвыходной могут очень немногие: иной раз дух не вынесет, иной раз тело сломится*» (Герцен, Былое и думы), которые не показывают, что «рассматриваемые формы

²⁶ А. В. Бондарко, Указанная статья, стр. 29—30.

²⁷ А. В. Бондарко, Там же, стр. 29.

не выражают будущего времени или какого-либо оттенка, связанного с будущим».²⁸ Правда, будущего времени они не выражают, но в значении данных глаголов имеется и такой оттенок, который действительность невозможности распространяет и на будущее: никак не разберу тебя — теперь и в будущем. Далее значение «неактуального настоящего» отнюдь не является универсальным у глаголов совершенного вида.

2. Формы настоящего времени в русском языке часто употребляются вместо соответствующих форм будущего времени. Такое употребление форм настоящего времени обусловлено стилистическими моментами и возможно, как отмечает К. Г. Крушельницкая, при двух условиях: во-первых, при наличии односмысленного контекста (обычно узкого, ограниченного одним предложением, в котором указание на будущее время содержится в наречиях и т. п.), во-вторых, при наличии уверенности в том, что действие произойдет²⁹, если «этот будущий акт при помощи формы настоящего времени представлен говорящим как настоящий, и сделано это для того, чтобы наслонить на обозначение будущего акта оттенок той доподлинности, несомненности, осязаемости, которая есть всегда у настоящего времени и которой по существу дела, не может быть, у будущего»³⁰. Напр.: *Мы едем завтра в город*. При отсутствии уверенности в осуществлении действия, мы не можем употреблять формы настоящего времени. Ср. *Может быть, мы поедем завтра в город*. Слова *итак, решено, конечно* и т. п. могут подчеркнуть решимость говорящего совершить действие. Следующий пример взят у С. П. Рассудовой: *Завтра непременно объясняюсь. Итак, я рассказываю им обо всём. Я решила бесповоротно. Жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь. Я ухожу от отца, покидаю вас, начинаю новую жизнь*. (Чехов, Чайка)³¹. Первое условие такого стилистического употребления форм настоящего времени является менее ясным. Если можно было бы принять следующее указание А. М. Пешковского, по которому «в живой речи могло бы быть просто *я уезжаю*, и если бы это было сказано в постели, или в ванне, или за обедом, то обстановка охраняла бы от буквального понимания»³², то преподаватели не предостерегали бы иностранцев от такого ошибочного употребления форм настоящего времени, которые имеются в таких предложениях как например: *Он так хорошо занимался! Он, наверное, получает на этом экзамене «отлично»*. *Хорошо, я посижу с вами*; и не установили бы те условия, при которых в русском языке настоящее время обычно может иметь значение будущего (при наличии точного указания на время — *В воскресенье она играет в консерватории*, у глаголов определённого движения и без точного указания

²⁸ А. В. Бондарко, Там же, стр. 27.

²⁹ К. Г. Крушельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. Москва, 1961. стр. 112—113.

³⁰ А. М. Пешковский, Указ. книга, стр. 208—209.

³¹ О. П. Рассудова, Указ. статья, стр. 5.

³² А. М. Пешковский, Указ. книга, стр. 208.

на время — Ну, как, вы едете в Ленинград? глаголы неопределённого движения только в приставочной форме — Мы переезжаем в Москву³³) На наш взгляд только в общих чертах можно характеризовать критерии употребления форм настоящего времени вместо будущего и из намеченных двух условий главным является наличие уверенности в осуществлении действия, ведь обстановка вообще охраняет от буквального понимания. Предложение «Он получает на этом экзамене «отлично» не является ошибочным, если употребляем без вводного слова «наверное» и говорящий твёрдо убеждён в том, что он говорит (всё-таки лучше избежать такого употребления наст. врем.). Наконец, противопоставим два предложения, одно из которых является окрашенным в модальном отношении: Эта книга выходит из печати через несколько дней — Через несколько дней эта книга выйдет из печати.

При резкой экспрессивности сообщения и формы прошедшего времени (чаще всего совершенного вида) можно употреблять в редких случаях вместо будущего времени с стилистической целью. «Такое употребление формы прошедшего совершенного основывается на субъективной убеждённости в наличии результата»³⁴: Пошёл! — решительно сказал он и не попросившись, широкими шагами побежали вперед. (Катаев).

В разговорной речи прошедшее время иногда можно употреблять «в значении будущего с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа»³⁵. Напр.: Вспыхнув, Лушка с силой оттолкнула Давыдова, проговорила сквозь зубы: — Тоже мне жених нашёлся? Да на черта ты мне нужен, такой трус славный? Так я за тебя и пошла замуж, держи карман шире! (Шолохов, Поднятая целина).

Модальный оттенок уверенности, убеждённости говорящего в чём-нибудь может выразить и первое лицо сложного будущего. Сложное будущее, как указывают исследователи, «обозначает течение действия в плане будущего, отрешённом от настоящего»³⁶: Сейчас буду одеваться — обозначает, что «я ещё не начал одеваться». При выражении уверенности говорящего будущее сложное имеет связь и с настоящим временем. См. следующие примеры: Я не буду с тобой возиться. Это, будем надеяться, не было твоё последнее посещение. И это я слышал от вас не один раз, но на дуэль я вас всё равно вызывать не буду, и идите ж к черту! что же это такое, братишки?! (Шолохов, Поднятая целина).

3. Индикатив, выражая реальную связь действия с субъектом, может указать в окрашенном употреблении и на НЕОБХОДИМОСТЬ этой связи. В таких предложениях без изменения оттенка значений можно употреблять слова должен, непременно. По модальности эти предложения обычно являются побудительными.

Формы 2-го лица простого и сложного будущего в сочетании с особой интонацией служат для выражения приказа, не допускающего воз-

³³ О. П. Рассудова, Указ. статья, стр. 3, 5.

³⁴ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 544.

³⁵ В. В. Виноградов, Там же, стр. 545.

ражений. Эти же формы в 3-ем лице выражают, в подобных условиях должностное. Например: *Завтра вы поедете на строительство! Ты отведёшь её (собаку) к генералу и спросишь там.* (Чехов, Хамелеон) *А теперь вы больше не будете бездельничать. Пётр Андреевич, Максимыч отведёт вас на вашу квартиру.* (Пушкин, Кап. дочка) *А теперь будете работать, они будут отдыхать.* Формы сложного будущего являются более экспрессивными.

Формы 1-го лица простого и сложного будущего времени в сочетании с особой экспрессивно-волевой интонацией, как мы знаем, служат для выражения «категорического желания, требования, намерения или приглашения»³⁷: *напишем! будем писать!* Они являются формами императива 1-го лица множественного числа. А. В. Исаченко отмечает, что простая форма императива 1-го лица множественного числа «образуется только от глаголов совершенного вида»³⁸. У В. В. Виноградова же и формы настоящего времени могут выразить императив 1-го лица множественного числа, только формы совершенного вида являются более категоричными. Он приводит такие примеры: ср. *ну, поплывём и ну, поплывём; бросаем курить и бросим курить.* В дальнейшем он говорит, что «в глаголах типа *идти, ехать* и т. д. (моторно-определённых) различие между формами несовершенного и совершенного вида в этом употреблении минимально. Например, в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого: *«Так бери же свои вещи и едем сейчас, — сказал старший. — Прекрасно, сейчас и поедем, — сказал младший»*³⁹. Языковые факты подтверждают последнюю точку зрения, прибавляя, что параллельное употребление является продуктивным только в глаголах опред. движения и обычно мы должны придерживаться мнения проф. Исаченко.

4. Стоит рассмотреть ещё некоторые модальные оттенки т. н. *риторического вопроса*. В форме риторического вопроса говорящий может выразить своё предположение, что ответ будет противоположным относительно вопроса. Ср. *Разве можно верить любви?* и *Разве нельзя верить любви?* — в первом случае ожидается отрицательный, во втором утвердительный ответ: *нельзя, можно.* То же самое в предложениях с глагольным сказуемым: *Разве не случается, что оттолкнёшь человека и после расскажешься?* (Гончаров) Такое же явление можно наблюдать и после некоторых вопросительных местоимений с формами сложного будущего времени. Например: *Зачем я буду объяснять вам мои поступки?* (Горький, Старуха Изергиль) *Можно сказать и в другом лице: Зачем он будет объяснять вам свои поступки? Что я теперь буду делать без тебя?*

³⁶ В. В. Виноградов, Там же, стр. 569.

³⁷ В. В. Виноградов, О категории модальности в русском языке, стр. 50.

³⁸ А. В. Исаченко, К вопросу об императиве в русском языке. «Русский язык в школе» 1957/6, стр. 8,9.

³⁹ В. В. Виноградов, Русский язык, 576. и см. статью «О категории модальности...», стр. 50.

II. Второй большой тип окрашенного употребления временных форм индикатива связан в первую очередь с видовыми значениями глагола. Ниже мы рассмотрим некоторые из таких значений.

1. В грамматиках указывается, что в целом ряде случаев можно употребить в одном и том же контексте прошедшее время обоих видов. В книге А. В. Исаченко можно найти следующие примеры: *Меня предупредили / предупреждали, что он не придёт. Я вам сказал / говорил, что уезжаю. Сегодня сообщили / сообщали по радио, что будет дождь. Он меня попросил / просил вернуть ему книгу*⁴⁰. В дальнейшем он указывает, что значение этих вариантов не является тождественным. Они стилизуют единичный акт как событие (сов. вид) и как процесс, актуализируя его, повышая наглядность повествования. Разницу в значениях, созданных употреблением разных видов, хорошо можно видеть на следующем примере: *Я сейчас диссертацию защищал, — сказал он, садясь и поглаживая колени. — Защищал? — спросила Ольга Ивановна. (Чехов).* В памяти говорящего процесс защиты ещё является живым и поэтому употребляет несов. вид, Ольгу Ивановну же после этого высказывания интересует результат этого процесса и в вопросе употребляет сов. вид.

У В. В. Виноградова для иллюстрации резкого отличия видовых значений можно найти, между прочим, такие примеры: *Вдруг пришёл возвратившийся из города обломовский мужик, и уж он доставал, доставал из-за пазухи, наконец, насилу достал скомканное письмо на имя Ильи Ильича Обломова. (Гончаров). — Встречали кого-нибудь? — Встречал, да не встретил. (Островский, Беспреданница)*⁴¹

Несовершенный вид часто употребляется в описании прошлого, в бытовых сообщениях о прошлом. По Виноградову в несов. виде употребляются такие глаголы повседневных действий, как *есть, пить, спать, видеть, слышать*⁴². О. П. Рассудова добавляет к этим глаголам ещё т. н. глаголы «говорения» (*verba dicendi*): *говорить, спрашивать, приглашать, советовать* и др.⁴³

Можем добавить, что только в общих чертах можно указать на наиболее частые случаи параллельного употребления форм прошедшего времени обоих видов. В вопросительных предложениях отдельные местоимения тоже могут влиять на употребление видов, в зависимости от того, спрашиваем ли мы о процессе или о результате действия. Напр.: *Он обманул меня. Как он вас обманывал?* (Каверин, Два капитана). *Что ты ответил?* Наречия, связанные со значением результата, тоже могут влиять на употребление видов. Ср. напр.: *Тебе будет жарко: ты очень тепло оделся.* и *Ты очень быстро одевался / оделся.* В первом предложении несов. вид нельзя употреблять: наречие *тепло* связано не с процессом действия.

⁴⁰ А. В. Исаченко, Указ. книга, стр. 439.

⁴¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 567, 559.

⁴² В. В. Виноградов, Там же, стр. 558.

⁴³ О. П. Рассудова, Упом. статья, стр. 7.

2. Для передачи МГНОВЕННОСТИ действия в прошлом имеется несколько способов в русском языке. Сравни, напр. следующие предложения: *Он хлопнул меня по щеке. Он так и хлопнул меня по щеке. Он и хлопни меня по щеке. Он хлоп меня по щеке.* (Происхождением и описанием сфер употребления данных форм не раз занимались лингвисты.) Кроме этого ещё формы простого будущего тоже могут выразить неожиданность, мгновенность действия. Мы попытаемся разграничить эти формы по значению и по сфере употребления.

- а) Тип *Он хлопнул меня по щеке* является обычным способом выражения однократного движения. Глаголы на *-нуть* совершенного вида обозначают действия, выполняемые одним движением, в один приём. Многие авторы, как указывает А. В. Исаченко, вносят в семантику таких глаголов наряду с их «однократностью» и оттенок «мгновенности» или «моментальности»; внесение которых, по его мнению, является мало оправданным. Во многих случаях «лексическое значение таких глаголов, как *махнуть рукой, топнуть ногой* и т. п., имеющее в виду одно отдельно взятое движение, может навести на мысль, что здесь действительно выражается «мгновенное» действие. Но такое толкование связано не со значением однократности как таковой, а с индивидуальным лексическим значением таких глаголов, как *махнуть* или *топнуть*. Та же однократная форма такого глагола, как *кутнуть*, явно не допускает толкования действия, выраженного этим глаголом, как «мгновенного», ибо любой «кутёж» длится во всяком случае дольше, чем одно «мгновение!»⁴⁴
- б) Тип *Он так и хлопнул меня по щеке* выражает внезапно-мгновенный оттенок действия. Нам кажется, что этот тип подтверждает точку зрения проф. Исаченко относительно выражения мгновенности действия глаголами на *-нуть*. Некоторые частицы (*так и, взял да и*) с формами прошедшего времени сов. вида могут выразить внезапно-мгновенный оттенок действия и от других глаголов. Ср. напр.: *Взял да и сказал. Он так и сел. Так и вздрогнул.*
- в) Тип *Он так и хлопни меня по щеке* характеризует устную речь и выражает неожиданный оттенок действия. Этот тип, на наш взгляд, употребляется в первую очередь от таких глаголов, значение которых допускает оттенок неожиданности, и эти глаголы не имеют других средств для выражения такого значения. Е. Н. Прокопович различает два типа значений с этими формами. Во-первых, они всегда выражают оттенок неожиданности действия, который может подчёркиваться наречием *вдруг*. Напр.: *Жил я-с в деревне... Вдруг приглянись мне девушка, ах, да какая же девушка была.* (Тургенев, Пётр Петрович Каратаев); во-вторых, данная форма с частицами *возьми и, да, да и, возьми да и* и др. кроме неожиданности выражает ещё и «яркий дополнительный оттенок произвольности действия».⁴⁵ Напр.: *Курицу я резал. Я её резал очень просто,*

⁴⁴ А. В. Исаченко, Указ. книга, стр. 253.

⁴⁵ Е. Н. Прокопович, Особые формы прошедшего времени в роли сказуемого. «Русский язык в школе» 1960/4, стр. 14—17.

как обыкновенно, а она возьми да и вырвись из рук, возьми да побегу. (Чехов) Возможно, что В. В. Виноградов на основе этого второго значения называет этот тип «прошедшее мгновенно-произвольного действия»⁴⁶.

г) Тип *Он хлоп меня по щеке* А. М. Пешковский называет ультрамгновенным видом русского глагола. «К глаголам на -нуть с мгновенным значением (как прыгнуть, скакнуть и т. д.), от которых они почти исключительно образуются, они относятся как превосходная степень прилагательного к сравительной»⁴⁷. Е. Н. Хлебникова-Прокопович называет их глагольно-междометными формами и выделяет в их кругу две основные группы: во-первых, такие, которые глагольны по своему происхождению, употребляются только в роли сказуемого и могут быть соотносительны не только с формами глаголов прошедшего времени, но и глагольными формами настоящего и простого будущего времени (*Кошка ему прыг на шею. На цыпочках пройдёт он в спальню, бесшумно разделется и — бултых в постель!* (Чехов, Учитель словесности)); во-вторых, такие, которые употребляются как в роли сказуемого, так и в качестве междометий (звукоподражательных восклицаний) и в ряде случаев неясно, образовались ли они от глагола и стали употребляться и в функции междометия, или, напротив, соответствующий глагол был образован от междометия (звукоподражательного слова). Таковы: *бау, хлоп, грах, хват, бряк, бах, бултых, бух* и др.⁴⁸.

д) В относительном временном употреблении формы простого будущего в значении одновременности с прошедшим временем с частицей *вдруг* могут выразить внезапность действия. Напр.: *Я пошёл... как она вдруг раскроет глаза и уставится на меня!... Кто это? Кто это?* (Тургенев, Уездный лекарь) *Герасим глядел, глядел да как засмеётся вдруг.* (Тургенев, Муму).

⁴⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, 556.

⁴⁷ А. М. Пешковский, Указ. книга, стр. 198—199.

⁴⁸ Е. Н. Хлебникова-Прокопович, Особые формы глагольного сказуемого в современном русском языке, «Русский язык в школе» 1958/1, стр. 7—11.

ЗАМЕТКИ О НАЧИНАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (I)

И о ж е ф Ю х о с

1. Семантика начинательных глаголов более точное и дифференцированное, на мой взгляд, определение по сравнению с другими работами по грамматике русского языка получает в книге *А. В. Исаченко*, где пишется следующее: «Начинательная... совершаемость сосредоточивает внимание на приступе к действию, который представляется как целостное событие...»¹.

В данном определении выделена и охарактеризована однако лишь начинательная совершаемость, и не описана семантика всего глагола в целом. А момент начинательности, хотя он и является важнейшим элементом значения начинательных глаголов, все же не кроется со значением всего глагола. Последнее, разумеется, шире, чем момент совершаемости. В нём, прежде всего, ясно указано, приступ к какому именно действию подчёркивается. Важно, далее, и то, что действие (процесс), наступление начала которого выражено в начинательном глаголе, является длительным, продолжительным и ни в коем случае не моментальным, мгновенным. (Все это, кажется, ни в малейшей мере не противоречит приведенному выше определению *А. В. Исаченко*.)

Этому всё-таки можно было бы возразить тем, что сказанное о продолжительном характере начинающегося действия характерно для семантики исходного глагола, от которого образован начинательный глагол, а не для значения последнего. Вопрос, таким образом, нужно ставить так: сохраняются ли в начинательных глаголах семантические свойства исходных глаголов или же они вытесняются с появлением момента начинательной совершаемости?

Пытаясь дать ответ на поставленный здесь вопрос, мы можем исходить из простого факта, что начинательные глаголы (хотя бы в принципе) всегда могут быть заменены сочетаниями, состоящими из глаголов *начинать*, *стать*, *приняться* и неопределённой формы соответствующих глаголов. Так сочетания «он стал кричать», «они начали смеяться» и др. в основном заменяют формы «он закричал», «они засмеялись». А ведь в таких сочетаниях глаголы в неопределённой форме никакого изменения в своей семантике не претерпевают.

Показательно с этой точки зрения и употребление начинательных глаголов в предложении. Анализ их в контексте показывает, что рассматриваемые глаголы, (в частности-относящиеся к группе глаголов «говорения»), могут вводить длинные высказывания или могут относиться к таковым, например: «Ахилла... театральным шепотом забубнул: — А вы, отец Захария, как вы много логике

¹ *А. В. Исаченко*, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, Морфология, часть вторая, Братислава 1960, стр. 224.

учились, так вы вот это прочитайте...» (Лесков, Соборяне, II) — «Да чего же мне дома-то сидеть? — *загорячился* Егор Иванович» (Леонов, Барсуки, II) — «— У нас под Чернью три года назад такой туман на поля пал, — *заговорил* бледный старик...» (Вересаев, В сухом тумане). Продолжительность действий, выраженных глаголами *забубнил*, *загорячился*, *заговорил* ясно доказывается контекстом.

[Правда, иногда и некоторые соответствующие однократные глаголы могут относиться к таким же длинным высказываниям, несмотря на то что выражаемые ими действия некоторыми учёными считаются мгновенными. (Правильность такого взгляда однако пока не доказана.²) Имеются в виду такие примеры: «— О да, я помню. Мне не нужно напоминать. Вся жизнь — вот она, как на ладони. Есть чем полюбоваться! — Он *крикнул* это вслух надорванным голосом» (Гаршин, Ночь) — (Здесь и в других примерах курсивы мои — И. Ю.). — Глагол *крикнул*, относясь в данном случае действительно к довольно длинному ряду высказываний — что, впрочем, не очень типично —, все же отличается от начинательного глагола *закричал* в отношении продолжительности действия тем, что у него как однократного глагола продолжительность действия более ограниченная.]

Не менее показательными с точки зрения характера семантики начинательных глаголов являются и их сочетания в предложении с наречиями и вообще словами, указывающими на способ протекания действия.

Обстоятельство образа действия может характеризовать в одних случаях момент наступления начала действия, в других же случаях оно, несомненно, относится уже к дальнейшему ходу действия. Обратимся к примерам: «Холодный человек, он *вдруг заговорил*, волнуясь, как подросток...» (Эренбург, Падение Парижа, 123). — «И *вдруг* губы его *задержались*...» (Вересаев, В мышеловке). Наречие *вдруг*, выступающее в роли обстоятельства образа действия, в обоих примерах характеризует начало действия, подчёркивая его внезапность.

В целом ряде примеров дело обстоит иначе: «Алексашка *ровно задыхался*» (А. Толстой, Пётр п., 166). — «...сердце *забилося ровно*» (Вересаев, Состязание). — «Треснуло небо закатами, разрывающими душу ударами, *загрохотало не переставая*» (А. Толстой, Пётр п., 401). — «...в лошинке за дубками болезненно и *прерывисто закричала* цапля, словно её душили» (Вересаев, Без дороги). — «Не замечая человека, все как будто ожило и *зажило свободно, не скрываясь*...» (Вересаев, Лизар). Во всех приведённых здесь примерах обстоятельства указывают не на момент начала, а на способ протекания действия, что объясняется их семантикой.

Сказанное легко можно проверить путём замены начинательных глаголов сочетанием фазисных глаголов *стать*, *начать*, *приняться* и неопределённой формы соответствующих глаголов. В оборотах «он *вдруг начал говорить*» и «*вдруг* губы его *начали держаться*» обстоятельство относится, вне всякого сомнения, к фазисному глаголу *начал(и)*, тогда как в оборотах «Алексашка *ровно стал дышать*», «сердце *начало биться ровно*», «*прерывисто начала кричать* цапля» и т. д., обстоятельства характеризуют действия, выраженные инфинитивом соответствующих глаголов.

² См. А. В. Исаченко, указанная работа, стр. 253.

Поскольку обстоятельства образа действия, выражающие способ протекания действия во времени, свободно сочетаются в предложении со сказуемыми, выраженными начинательными глаголами, можно не сомневаться в том, что в семантике последних — при превалирующей роли момента выражения приступа к действию — содержится и представление о продолжительности процесса, начало которого особо пощёркивается соответствующими приставками. На характер действия (а не на начало его) в начинательных глаголах никакие формальные признаки не указывают. (Не отмечается, разумеется, и конец процесса.³) Представление о продолжительности отодвинуто на задний план, но не выветривается из семантики начинательного глагола.

Итак семантика начинательных глаголов имеет комплексный характер: в ней содержится значение исходного глагола, обозначающего действие, состояние — по своему характеру продолжительное — с известной модификацией — состоящей из внесения в него и выдвигания там на первый план момента приступа к действию, который представляется как целостный акт.⁴

2. Одним из спорных вопросов, относящихся к начинательным глаголам, является проблема их переходности. А. В. Исаченко утверждает, что «...начинательная совершаемость с приставкой *за-* образуется только от *н е п е р е х о д н ы х* глаголов»⁵, тогда как по мнению Е. А. Земской приставка *за-* придаёт начинательное значение «так же часто» и переходным глаголам «конкретного физического действия»⁶. (Земская, однако, не доказывает на языковом материале правильности своего мнения.)

В художественной литературе, правда, не очень часто, но можно наталкиваться на переходные глаголы с приставкой *за-*, придающей глаголам начинательную совершаемость. Приведём ряд примеров: «... все сорок сороков московских *забили* набат...» (А. Толстой, Петр п., 51) — «...Федька *забормотал оправдания*...» (там же, 191) — «...Петр *завертел* ее так, что роба, шлеп и фижмы закрутились вихрем» (там же, 95) — «...Алексашка *заволочил* ногу, пополз к купчихе...» (там же, 39) — «Музыканты... *заиграли* менуэт, роскошный танец...» (там же, 374) — «... ветер *заметал* с поля и мелкий сор и тяжёлые обрывки травы...» (Леонов, Барсуки, 363) — «Ветер же *заметал* наотмашь ему бороду...» (там же, 235) — «...он *запел* что-то тягучее и несогласное...» (там же, 86) — «Захаров вдруг *запел* невероятно циничную песню...» (Вересаев, Два конца) — «Тогда все... *запели* гнусавыми голосами *ирмосы*» (А. Толстой, Петр п. 177) — «...горловым тенором *запел* странную песню...» (Гаршин, Медведи) — «...у него задрожали губы, и руки быстрее *зазатеребили* тонкий кожаный пояс» (Леонов, Барсуки, 51) — «— Не в хлопущках, братец, дело, а высоко, братец ты мой, поставлены! — *затеребил* усы Половинкин...» (Леонов, Барсуки, 171) — «Настя укоризненно *зашептала*

³ Современный русский язык, Морфология, изд. МГУ, 1952. стр. 316.

⁴ Относительно целостности акта начала действия ср. также А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, часть I, М. 1958, стр. 225.

⁵ А. В. Исаченко, указанная работа, стр. 225.

⁶ См. Е. М. Земская, Типы одновидовых глаголов в современном русском языке, в сборнике Исследования по грамматике русского литературного языка, М. 1955, стр. 9.

что-то» (там же, 106) — «Тогда душистые усы его *защекотали щеки* [Софьи], тёплые губы приблизились, прижались сильно». (А. Толстой, Петр п., 50).

Иногда встречаются некоторые начинательные глаголы переходные и в безлично-предикативном употреблении: «...парень напомнил Ренсену что-то такое страшное — *защемило сердце*» (А. Толстой, Петр п., 318).

Переходные глаголы с начинательной совершаемостью могут образоваться и приставкой *по-*. Ср. напр.: «Возчик... *закрутил вожжами*, и плохая лоша- денка *поташила* шагом тележку из лавры в поле» (А. Толстой, Петр п., 193) — «...двенадцать горбатых, длиннорылых свиней... *поволокли гроб* по навозным лужам...» (там же, 297).

Можно было бы привести примеры ещё на переходное употребление таких начинательных глаголов как *забросать, завалить, заволновать, загонять, задвигать, задразнить, зажевать, закатать, закачать, заклевать, заklubить, заколебать, закопать, закормить, закоробить, закроить, закрошить, закружить* и т. д.

Приведённые и указанные переходные начинательные глаголы составляют сравнительно большую группу, все же их количество по сравнению с непереходными небольшое, по частоте же своего употребления они ещё больше уступают последним. Прочитав тысячи страниц художественной литературы можно набрать всего несколько десятков переходных начинательных глаголов, тогда как непереходных встречается масса. Местами они появляются кучами: «*Заворчала, зашумела, закричала* толпа... *Заколыхались* тысячи голов, *завертелся* среди них белый конь Толстого. *Заскрипел* мост... Где-то ударил колокол... Отозвались колокольни, *заметались* колокола...» (А. Толстой, Петр п., 56) — «Тут разом *заворошился* лес: все живое *запищало, закричало, засвистело, полезло*...» (Леонов, Барсуки, 173).

Примерами указанного типа употребления переходных начинательных глаголов однако не исчерпывается возможность их использования. Встречаются переходные начинательные глаголы, правда, редко и преимущественно в разговорном языке, и в так наз. безобъектном употреблении, то есть без прямого дополнения. В таком употреблении переходные глаголы — как начинательные так и другие — напоминают непереходные — они не имеют при себе прямого дополнения и не нуждаются в нём. Ср., напр.: «Ученики быстро *записали* под диктовку» (пример взят из Словаря современного русского литературного языка — в дальнейшем ССРЛЯ). — «*Заковырять* в зубах» (там же). — «Где же он? — *Заискал* вокруг себя Подпряттов» (Леонов, Барсуки, 228).

В большом количестве случаев начинательные глаголы образованы от глаголов, имеющих при переходных и непереходных значениях: «Лизар встrepенулся и сильнее *задергал* вожжами» (Вересаев, Лизар). — «По дороге *забили* крупные капли дождя» (Вересаев, На повороте). — «— Ай, ай, ай, обидно, — *завертел* головой Роман Борисович» (А. Толстой, Петр п., 369). — «...ветер *задул* между горами, точно в трубе» (Короленко, «Государевы ямщики»). — «...иноземцы... *закачали* головами...» (А. Толстой, Петр п., 76). «*Закрутил* головой, начал себя *оглядывать*...» (там же, 42). — «Ахилла опять... *замотал* руками...» (Лесков, Соборяне, 15). — Во всех этих и подобных примерах исходные глаголы *держать, бить, вертеть, дуть, крутить, мотать* и т. д. являются непереходными и их непереходность сохраняется и в соответствующих

начинательных глаголах. Такого рода образований очень много. Их ни в коем случае не следует смешивать с переходными.

Возвращаясь к начинательным глаголам, переходность которых не вызывает сомнения, отметим, что возможность их употребления, как можно полагать, зависит в некоторой степени и от характера дополнения. При прямом дополнении, обозначающем не объект, на который действие направляется, а результат действия, начинательный глагол, как правило, не употребляется. При возможности, напр., говорить: «Рабочий усердно закопал землю» (ср. ССРЛЯ) сочетание «закопал яму» в том же смысле кажется нереальным. Правда, приведённые выше сочетания: «запел песню», «заиграли менуэт» как будто противоречат этому предположению, но они, скорее всего, представляют собой особую группу и их численность является довольно ограниченной.

ДАнные К СЛОВАцКОМУ ЯЗЫКУ СЕЛА КОНДорош

П. Шонкой

1 «По записям Регеструм Варадиенсис Кондоросх как село существовало уже в начале XIII-го века (*uilla Cundurus in parochia Békes*)» — пишет Лайош Хаан в своей книге «История комитата Бекеш» (стр. 228).

По данным переписи, произведённой в 1563-ьем году. Кондоросх — одно из самых богатых и многолюдных сёл комитата Бекеш, со своими 80-ью дворами, 103-мя семьями и 515-ью обитателями.¹ Спустя 50—60 лет комитатские чиновники находят тут лишь безлюдные сёла и необработанные поля. Область стала безлюдной во время длительной войны с турками и в годы турецкого ига. Заселение опустевших местностей вновь началось в первые десятилетия 18-го века.² В первую очередь предлагали переселиться тем крепостным крестьянам и более-менее зависимым людям северных комитатов старой Венгрии, которые, надеясь на лучшую жизнь и более свободный культ религии, были готовы переселяться. Тогда прибыли в комитат Бекеш словацкие крестьяне и кустари, в которых нуждались обширные поместья.

Село Кондоросх, как самостоятельное административное единство было снова основано в 1875-ом году. Оно начало строиться не точно на месте древнего поселения, а на 1—2 километра дальше, на северо-восток от этого места. Даже сегодня на территории современного села можно найти следы иссохшего русла реки, которая на старых картах находится как ещё существующая река, и от линии которой на юго-восток было расположено поселение 15—16-го вв. Во время обновления села все земли принадлежали некоторым помещикам.

Новая деревня начала развиваться около трактира (*csárda*) построенного в 1825-ом году и в соседстве с полицией. Это место — тут встречаются пять важных дорог — казалось самым удобным для строения жилых домов. В 1876-ом году разделили, т. е. продали помещики первые 135 участков земли. Подавляющее большинство среди первых покупателей участков и их родственников было словацкого происхождения. Об этом свидетельствует именной список первых покупателей и первых жителей села.

Язык переселившихся в комитат Бекеш словаков был образованным из разных диалектов словацкого языка начала 18-го века. Так как переселенцы пришли сюда не с одного места, естественно, что и язык их не мог быть единым. Выравнивание языковых элементов могло совершиться лишь тут, на новом месте, спустя некоторое время. Разбирая оформившееся здесь языковое явление, мы приходим к выводу, что большинство словацких переселенцев пришло в деревню с южной территории средне-словацкого диалекта. Этот диалект

ляжет в основу возникшего через одно столетие словацкого литературного языка. Во время переселения у словаков ещё не было литературного языка, который они могли бы принести с собою. В селе Кондорош первая школа была построена только в 1891-ом году. При обучении язык сперва был смешанным, но словацкий язык скоро начал вытесняться из школы. Газеты, книги лишь случайно попадали к здешним словакам. Правда, языком богослужения был и словацкий (tót) язык (и ныне бывает богослужение на этом языке), но этот «словацкий язык» — церковно-чешский язык. Даже если бы существовал в это время литературный словацкий язык, то, учитывая эпоху и её господствующие экономические, социально-политические и культурные условия, мы не можем предположить, что именно те словаки, которых принуждало искать новую родину их бедное экономическое положение, имели тесную связь с литературным языком. А тут, при новых условиях они встречались с новыми понятиями, для выражения которых не распоряжались подходящими словами на своём родном языке. При таких условиях единственной возможностью и единственным выходом из положения для выражения новых, незнакомых до тех пор понятий, было использование слов из венгерского языка. При этом надо учитывать, что здешняя среда всё больше изменяется, вследствие чего постоянно расширяется круг новых понятий, новых предметов, для устного выражения которых словаки и в дальнейшем заимствуют слова из венгерского языка. Итак, в процессе ознакомления с расширяющимся кругом предметов всё более вытесняется родной язык, и всё большими становятся число и значение заимствованных из венгерского языка языковых элементов. На новом местожительстве словаки даже думать не могли о сознательном развитии и шлифовании своего родного языка, так как для этого не существовали даже самые элементарные условия. Те люди, у которых всё время и все силы уходят на борьбу за жизненный минимум, не могут заботиться о развитии языка. А господствующие венгерские классы не считали нужным, чтобы рабочие и крестьяне учились. Эту мысль, как официальную позицию реакционной Венгрии герцог Пал Телеки оформил следующим образом: «Не надо наполнять буквами и словами голову этого венгерского народа. Венгерец был такой же мудрый и благоразумный, когда ещё меньше было слов, речей, газет; и в сказочном государстве будущего, в романах Жюль Верна можно найти такие вещи, как радио и т. п.»)

Вследствие разных неблагоприятных условий язык переселённых словаков прекратил своё развитие, постепенно беднел. Ныне он находится в относительно чистой форме уже только в речи пожилых людей, в сказках, в словарном составе связанном с различными работами и народными обычаями. После освобождения Венгрии произошло передвижение словацкого и венгерского населения. Из деревни переселилось приблизительно 200 семей в Чехословакию. С их переселением уменьшилось число говорящих по-словацки жителей деревни.

2 Словаки городов Сарваш, Бекешчаба, Тоткомлош, Мезёберень жили относительно обособлёнными группами на новом местожительстве. Но кондорошские словаки большей частью происходили из переселенцев названных городов, поэтому языковые элементы разных словацких диалектов тут смешались в большей мере. «V dedíne jesto ľudia zo šakoviy zos adou: aj s Čabe, aj zo Sarvašu, aj z Enderidu» — говорят пожилые люди.

Основные признаки южно-средней разновидности средне-словацкого диалекта *В. Важны*, а за ним целый ряд чешских и словацких языковедов определили следующим образом (большинство этих признаков находится и в языке кондоросских словаков, отсюда и взяты примеры):

- 1 из общеславянского сочетания *ort-, olt-* при нисходящей интонации развилось сочетание *rat-, lat-*: *raštiem, rázga, rásoška, ražník: lánski, la-keť, lačni*;
- 2 в середине слова, перед согласными и в конце слова переход согласного *v* в билабиальный *u*: *dáuno, d'ioúča, prauda, xlieu, kráu, brau*;
- 3 на месте *-šč-* тут стоит *-št-*: *štekaf, štipaf, štipif, šteňa, štasní*;
- 4 окончание *-ou* в творительном падеже ед. ч. имён существительных, прилагательных и местоимений, оканчивающихся в им. пад. ед. ч. на *-a*: *mrkovou, šikounou, tou*;
- 5 окончание *-ia* в им. пад. мн. ч. существительных м. р. обозначающих лицо: *gazdovia, etetovia*;
- 6 окончание *-u* в род. пад. ед. ч. существительных м. р. *a-* основы: *sluhu, gazdu*;
- 7 окончание *-e* в им.-вин. пад. ед. ч. существительных ср. р.: *srce, plece, vrece*;
- 8 окончание *-ia* в им.-вин. пад. ед. ч. существительных типа «*znameňie*»: *staveňia, čitaňia, opaľuvaňia*;
- 9 Форма ср. р. прилагательных в им.-вин. пад. ед. ч. имеет окончание *-uo*: *studenuo, grbatuo, mekuo, peknuo*;
- 10 в спряжении глагола действ. залога формы *beriem, berieš, berie, berieme, beriete, berú*;
- 11 Форма «*sa*» глагола «*byť*» в 3-ьем лице мн. ч., которая происходила из формы «*seť*»;
- 12 из общеславянских редуцированных гласных развились гласные *e, o, a*: *teŋki, veňies, ěem, son, dážd*;
- 13 сочетание *-dl-* упростилось в *l*: *česalo, šilo, strašilo*;
- 14 из общеславянского носового гласного *ę* развились *e, ia*: *meso, peta, hovedo, piatok, sviatok*;
- 15 на месте первоначального *ó* произношение дифтонга *uo*: *kuom, nuož*;
- 16 часто употребляются долгие слоговые плавные *všif, vřca, fřčf, zblknuf*;
- 17 вопросительное местоимение «что?» произносится «*čo?*»;
- 18 средне-словацкие дифтонги *ia, ie, io, iu*.

Звуковая система словацкого наречия деревни Кондорос

- 1 *Гласные*: а) краткие: *a, e, i, o, u* — *masť, smed, viniš, voda, vnuk*;
 б) долгие: *á, é, í, ó, ú* — *mám, sékaví, víno, móresť, kúpiť*;
 в) дифтонги: *ia, ie, iu, io, uo, ou, au, eu, iu* — *žiadost, mincier, nuož, bou, mau, vedeu, piuka*.
- 2 *Происхождение гласных*
 Гласный *a* находятся:
 а) на месте общесл. *a* — *slatki, bohati, ihraf, duša*;
 б) на месте общесл. *ę* — *zaf, đáčne, začaf, šťastia*;

- в) на месте общесл. е — ľad, nahaf;
- г) на месте общесл. ь — ľan;
- д) на месте общесл. ъ — daždouka, cesnak;
- е) на месте общесл. ě — jasŕe, bľadi;
- ж) на месте о — общеславянского сочетания tort, tolt — vrana, prax, mla-
ĉok, xlap;
- з) в разновидности rat-, ľat- общеславянского сочетания ort-, olt- при нис-
ходящей интонации: ražňik, ľanski;
- и) на месте а, е, в словах иноязычного происхождения — ľarxa, ľapša.

Гласный е находятся:

- а) на месте общесл. е — ležať, večer;
- б) на месте общесл. ě — ľefef, zle, mesiac;
- в) на месте общесл. ě — peľ, hovedo, meso;
- г) на месте общесл. ь — ľerki, đem, pes;
- д) на месте общесл. ъ — kedi, tedi, kerí;
- е) на месте ѓ, е в словах иноязычного происхождения — ĉedereš, peŕgou.

Гласный о находится:

- а) на месте общесл. о — hnoj, dobrí, voda, holub;
- б) на месте общесл. ъ — ľelúdok, voňe, doska;
- в) на месте общесл. ь — edom, edonác;
- г) а месте общесл. е — smotana;
- д) на месте о, а, ѓ в заимствованных словах — doŕgou, do temetova, her-
nóďa;

Гласный и находится:

- а) на месте общесл. и — budíť, visľuhovať, uxo tomu;
- б) на месте общесл. о — sused, holub, hus, hustí;
- г) на месте о в славянском суффиксе глагола -ова- sľubovať;
- д) на месте общесл. ъ — gu maľeri;
- г) на месте и в заимствованных словах — túrňa, furmam.

Гласный і находится:

- а) на месте общесл. і — vidíeť, sviňa, ocovi, xlapci;
- б) на месте общесл. у — korito, motika, kixať;
- в) на месте і, е в заимствованных словах — bicigľa, bireš;

Дифтонг ia находится:

- а) на месте общесл. ě — piatok, sviatok, viazať;
- б) на месте общесл. сочетания ěja — siať, smiať, sa;
- в) на месте общесл. сочетания ъje — zdravia, páraňia;
- г) на месте а в заимствованных словах — maľiar;

Дифтонг ie находится:

- а) на месте общесл. ě — bieli, hriex, viem;
- б) на месте общесл. ь — veňiec, hrňiec;
- в) на месте разных гласных заимствованных слов — fiertuxa, driek;

Дифтонг uo находится на месте первоначального ѓ — kuom, nuož.

3) *Изменившиеся формы общеславянских гласных ě, о, ь, ъ в наречии села Кондорош*

ě > е — peľ, hovedo, mesjo; ě > а — zať, začať, hľadať; ě > ia — piatok;

o > u: buďem, zub, muž, ruka;
 ь > ie: veňec, čierni, ь > a — ľaxkí, ľan;
 ь > o — edom, šomraf;
 ь > e: mláďeňec, pes; ь > i — písaf;
 ъ > o: doska, son; ъ > a — dážd, cesnak;
 ъ > u — gu maferi.

- 4) Долгие гласные большей частью находятся в тех же случаях, как и в литературном языке.
- 5) На длительность гласных решающе влияет закон, по которому из двух соседних слогов долгим может быть только один, а другой должен быть кратким: malí — mali, vidieť, pomáhať.

В зависимости от долготы гласных значение слова может изменяться: ma/má, ľa/tá, plakať/plákať.

Слоговые согласные r, l так же, как и гласные, могут быть долгими или краткими: trpeť, trstina, prst — vrtat, hrpka; dlhí slza, kľbása — ľtct, kľže sa.

Некоторые явления, связанные с согласными

l, ĺ слоговой долгий ĺ

Общеславянский согласный ĺ имел 3 разновидности:

- а) лабиовелярный, твёрдый ĺ — перед гласными а, о, о, у, ь, и;
 б) средний ĺ — перед гласными е, ё, е, ь, і;

в) палатальный мягкий ĺ двойного происхождения: он возник или в случае сочетания звуков ĺ+j, или как ĺ-epentheticum. В языке словаков села Кондорш средний и палатальный ĺ совпали, а твёрдый ĺ превратился в средний ĺ. В произношении сильно чувствуется разница между двумя звуками ĺ: hlava — hľadeť, slúžiť — slúka, ľopár — ľofnuť.

В сочетаниях ĺ+i, ĺ+e, ĺ+дифтонги ĺ произносится вообще как средний ĺ, но встречается и совсем мягкое произношение в этих же сочетаниях: cieľiť, tragle, figľe, rapuľe. Палатальный ĺ на конце слова в большинстве случаев остаётся, но он может и превратиться в двугубной u: kroxmeľ, košťau.

На конце слов и в середине слов перед согласными средний ĺ превращается в двугубной u: kou, bou, mau, viďeu biuňička.

Согласный V

В начале слова перед гласными звук V сохраняет свою первоначальную звуковую форму: variť, večer, víno, viďa, viac. В начале слова перед согласными V или остаётся неизменным — vňat, vládat, vľxkí, vľaňi, vrátit sa, или он исчезает — doves, táca, šecker; или же, перед звонкими согласными, превращается в глухой звук F — fše, fčera, fčárde, zaľcasu.

В конце слова V превращается в u — brau, xľieu.

В середине слов V имеет два варианта:

- а) V — ďivni, pivňica;
 б) u — keľauni, maľouník.

Часто встречающееся явление в этом наречии, что в совершенно подобных случаях, т. е. в подобной звуковой среде звук V произносят то как V, то как f. Можно замечать двойное произнесение даже одного и того же слова: beuďou/bevčou, senutvo mľieko/senutuo mľieko.

dl > l

В осуществлении этого упрощения показывается сильное колебание в языке названной деревни. П. Ондрус изучал словацкие наречия и на Большой Венгерской Низменности и нашёл мало примеров изменения dl > l. В языке этой деревни также мало таких примеров. Встречаются и такие случаи, когда одни произносят одно и то же слово, с dl, а другие без d. В. Важны замечал явление dl > l в нижней Ораве и на соседней с нею территории³.

Примеры для произношения слов с dl, и без него: sedlo, modlit sa, podľa; seliak, hrlo, šilo.

dn > n, dň > ň

Упрощение этих сочетаний часто встречается.

dn > n: eno, zenaf, poriani, dovena, naňžhoni, žiani, tanu, tamnu, tunu;

dň > ň: stuňička, choňik, voveňe, saňi si, sretížna, sreňia, spoňia, ňeska.

šč > št

На месте сочетания šc, которое происходило из первоначального сочетания stj, skj, в наречии села Кондорш находится šf. Это явление показывается последовательно и в середине, и на конце слов. В. Важны заметил это изменение на средней Ораве и южнее: štípať, štépiť, doštička, štépiť, šteňa, púšťaf, pišťiaľka, pištoke, jašterička.⁴

n, ň > m

Это изменение встречается также часто, особенно на конце слова, перед паузой: párn, ľam, grmam, edom, sim, d'edincam, remem, kemem, plamem, dlam, prsfem.

П. Ондрус замечал это языковое явление в словацких наречиях комитата Бекеш⁵, а В. Важны — на большой территории средне-словацкого диалекта⁶.

m > n

Это явление встречается обычно вместе с предыдущим. И П. Ондрус, и В. Важны говорят о них на одном и том же месте⁷. В словацком наречии деревни Кондорш это — характерные фонетические явления. Они встречаются главным образом перед зубными и свистящими согласными: kin dau, tan dou.

Словацкие тексты из села Кондорш

Boli raz v enom mesťe páračke. A gazďina mala dve d'iučence peknie. Tag zme sa tam nasochdili veľaci na tie páračke a párali zme. No, tutoka d'iučence sa ráť troška viihrávali s čelaňici. Aj čelaňici si pohúťali, že jim to nasped' daďia — vrátija jim, Nuš tak prišou aj ten čas, že budeme jest po páraňi. Pxiistali oni enu hromadu opekancou, a položili jiy do peci hriať. Tak sa tie aj hriali. A keď už bolo načim jest, tašli gu peci, a kceli viberať opekance. A tam našli miske ňi f poriatku. Opekance voľakto zedou, a tatam „inšie" položiu. Keď gazďina tašla xistaď večeru, viťahuje s peci miske. Iba ju zápať zaraziu, hrozni smrad! No, dobre. Skončilo sa. Doňiesli inakšie jeďeňia pore šeckix. A gazda sa velmėj hrozne nahňevau na tix pahoukou, že takvo porobili. Tak si vom zahúťau, že dobre bude tixto keľaune namastif. Zau volovací bíč, dobre dlhí, a začau jiy rezaf. Ale smutnvo, že tí dostáli, čo neboli účasni, a tí, čo toto vikonali, už drióhodi ušli. Aj d'iučence sa boli na hňevali, že takito posmex s ňima vikonali, tag už ňimali aňi k tomu

vólu, žebi sa bola tačecná zábava zadržala. Tak sa rozišli hosti. Ale mladí, čo neboli vinovatí, veľkí krig robili, že vraj oni kcú aj tancuvať. A gazda sa jix spítuvau, že či sa ešte málo natancuvali na dvore, keď jiy zaťinau z bičom.

— — — — —
Pret timto tak xodili ľudia na večierke. Tam mladí robili šakovo. Priadli tie dióke. A bolo aj takvo, že jěj. potpálili klko, tak potom laxko shoreu aj kolourat.

Ešte moj starí apa, keď žili, fisic osemsto osendšiatom deviatom ostatní raz tlačili na koňax. A todi natlačili na dvox volovňiciax sa menuvali, dvesto osendšiat centou žita. A tú slamu do eněj kope skládli, a kopa bola nestelko veľká, že koč sa mohou obrátiť na něj.

Moj apa ešte spomínajú, že tento Borguľa taki mocni človeg bou, a potom ako už starí človek, tag mu višla vláda zo šeckiho. Mau dva katastrálniv ujerou zemj. Tag edoraz prišou Borguľa. Dobre znau mojho stariho apu. Prišou z enim kočovim štráňgom, aj enie zeleznie vili si v rukáy doňiesou. Pokloňiu sa, a potom vraví: „No, kamarát, som prišou, či mi dáž za viažaniču slame?” — „Xoj lem, Paľo, a naber si!” Zo šiěstiy vontatovou bola slama ňa garáde vitrasená, a vom začau okolo něj pekňe xodiť, a potom prestreu štráňg vo dvoje, zaviazau šeckú slamu, zau si na plece a zaďakuvau.

Tam v Lužanáx, v Slovenskéj bola ena divóica. A mala divox siníou. Tag edom orau, a druhí tamnu bou. Tak tento mu kriči: — Duro! — Čo? — Mamouka zomreli! — Ax, nag jix šeci čerti veznú! — Ale, vraj, aj kobola nám zdoxla! — Hú, pre pána boha!

— — — — —
Ket som bou na eněj svadbe u naďbáfu, mužikanti sa zruvali mezi sebou. Ja jim vravím: „Ne rujte sa, ale pekňe huťte.” A edom mi buxou na hlavu s tim vomovom. Ja som xitíu kečkeláb pod ňima, vilomiu z ňeho mo-hu, a tak som s ňou zbiu cigáňou do kuckova. A noha sa mi zakvačila do téj snúre, tak som spadou a skočiu do bógöva a som ho zahubiu. Ja už ňe-pametám, kelko peňazi kceli za škodu. Tak som sa ja tam smúťiu na kőšegu. Apouka Kováčou boli rixtár. Tag mi vravia:

— Čo sa smuťiš, Jano?

— Toto aj toto.

— Hibaj nu!

Tag mi napisali segénšégi bizoňitváň, aj že šezdesiad grajcarou por-ciju platím. Tag ňevihrali cigáňi ňišť, a ja som seďeu šez dní.

— — — — —
Pri Hajdúxověj mašine bou etetó. A Ďuri báči Lešťam som to boli gépés. Tag zme tlačili v Bakuľověj ulički, potom na Túrskom. A báfa Ondro Haj-dúxou mali enu dióku, volala sa Kata. Tak tá šla za mňou. A ja som — „ax, dobre.” No, prišla jesem. Jasom hnau štiri bravi s Túrsku. A ona mi vraví, že ěe táďem? — Táďem domou s timato bravami, a potom sa buďem že-ňif. — A mňe aňi lem v hůtki ňebolo, lem som a ja bou huncut. Tag mi vraví: „Dočkajte — vraj — do soboti!” Dočkau som. A f sobotu večer ma ona už v našix dvercáx čakala. Priďem domou, tag mi vraví, kezme sa vi-

zhovárali: „Počúvajte! Zajtrá nag ma mamóka pridu pítat!“ No, dobre. Vrávím na druhí ďem mame, žebi ju tašli pítat. Tak tašli. A ja som seďeu na kanapeji. Prišli naspet. A otec takí troška grobiam človeg boli. Tag do mame hnusíe. A mama: „Bodáj fa aj s timato bosorkámi fene zedou!“ Potom tašou otec tavo aj z maferou. A druhú maď mali. Tag aj ju zali. A ona mi s kóča ukezucala, ale že čo, ja som to ňerozumeu. Len doz na tom, že večer, keci šeci polihali, ona ušla. Na dvoje honou bolo od jix sálašu k nám. Tatam tašla.

Замечания:

- 1 Karácsonyi János: Békés vármegye története, I. k. 235 old.
- 2 P. Ondrus: Stredoslovanské nárečia v Maďarskej ľudovej republike 6 old.
Haan Lajos: Békés vármegye hajdana, 56—57 old., Pechány Adolf: Magyarok és tótok, 176. old.
- 3 V. Vážny: Nářečí slovenská, стр. 284
- 4 V. Vážny: Nářečí slovenská, стр. 286
- 5 P. Ondrus: Ук. раб. стр. 30—31
- 6 V. Vážny: Ук. раб. стр. 288

Использованная литература:

- V. Vážny: Nářečí slovenská, Československá vlastivěda III. Jazyk, Praha, 1934.
Ján Stanisláv: Dejiny slovenského jazyka, I. Bratislava, 1958.
Márkus Mihály: A bokortanyák népe, Budapest, 1943.
J. Štolc: Nářečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku, Bratislava, 1949.
J. Štolc: Zapisovanie nářečových prejavov, Bratislava, 1961.
P. Ondrus: Stredoslovanské nářečia v Maďarskej ľudovej republike, Bratislava, 1956.
Pauliny—Štolc—Ružička: Slovenská gramatika, Martin, 1955.
Pechány Adolf: A tótokról. Budapest, 1913.
Ad. Kellner: Stramberské nářečí. Brno, 1939.
István Sipos: Geschichte der slowákischen Mundarten des Bükkgebirges. Budapest, 1958.

УЧЕНИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА О РОЛИ ЛОЖНЫХ ИДЕЙ В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

(Г. Ибсен, К. Гамсун)

Д. Якоб

Г. В. Плеханов рассматривал явления и формы общественного сознания как отражение жизни человеческого общества. «Люди делают не несколько отдельных одна от другой историй, — пишет он — историю права, историю морали, философию и т. д., а одну только историю своих собственных общественных отношений, обуславливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собою лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории.»¹

По мнению Плеханова, это отражение может быть и верным и ложным, иллюзорным. Критерием для определения правильности отражения действительности он считает соответствие объективному процессу истории и содействие этому процессу. «Когда общество находится в процессе своего развития, для него полезно всё то, что содействует этому процессу и вредно всё то, что его замедляет. Застой никогда не был полезен для общества. Это несомненное обстоятельство и даёт нам объективный критерий для суждения о том, какая из двух партий спорящих между собою менее ошибается или совсем не ошибается.»²

В ряде работ Плеханов, следуя за Марксом, показал, что в истории верные идеи очень часто принимали иллюзорную форму, например, во время английской и нидерландской революции или в эпоху реформации. Поэтому очень важно, по его мнению, уметь отделить действительное содержание такого рода явлений от их иллюзорной формы. Это положение Плеханов распространяет в частности на искусство. Без раскрытия содержания того или иного художественного произведения, заключённого в иллюзорную форму, нельзя понять историю искусства, например, Рембрандта, Баха, литературу средневековья и другие аналогичные явления. Основным критерий верности общественных идей, выраженных в искусстве, заключается, по Плеханову, в том: содействовали ли эти идеи поступательному движению истории, выражали ли они стремления прогрессивных классов данного времени.

Так как искусство и литература являются отражением истории именно человеческого общества, то главную роль в художественном творчестве играют общественно-политические взгляды художников. Говорят, что мировоззрение

¹ Плеханов, Г. В., Избранные философские произведения (Москва, Госполитиздат, 1956), т. 2, стр. 266.

² Плеханов, Г. В., Избранные философские произведения (Москва, Госполитиздат, 1957), т. 3, стр. 506.

художников шире, чем область его общественно-политических взглядов. Это, конечно, правда. Но взгляды художника на строение звёздной системы и на общество играют неодинаковую роль в его художественном творчестве.

Общественно-политические взгляды охватывают область воззрений на все общественные явления, на экономические отношения, права, мораль и т. д. С этой точки зрения Плеханов считает, что общественно-политические взгляды писателей не сводятся лишь к их узкополитической программе, например, взгляды Бальзака к его легитимизму. Общественно-политические взгляды писателя охватывают все стороны общественной жизни.

Теорию о роли ложных идей Плеханов разработал на основе громадного фактического материала, конкретного анализа не только творчества отдельных писателей, но и целых литературных направлений, например, творчество беллетристов-народников, русского символизма и т. д. Его теория сложилась в борьбе против разных реакционных тенденций и направлений, отвечала требованиям рабочего движения его времени и не потеряла своего значения до сегодняшнего дня.

Краеугольным камнем плехановской эстетики является его учение об идейности художественных произведений. Согласно этому учению абсолютным критерием оценки художественных произведений является единство формы и содержания, и невозможность такого единства при условии, если в основу художественного произведения положены ложные идеи.

Следует заметить, что это положение о единстве формы и содержания является, по Плеханову, действительным только при наличии художественного таланта, т. е. при наличии способности воспроизводить жизнь в образах. Без таланта самое верное содержание не спасёт художника от неудачи, от провала. Но талант представляет собой лишь возможность, которая может превратиться в действительность, но может и остаться только возможностью. Всё зависит от того, правильно ли видит мир данный талантливый художник. А последнее зависит не только от художника. Плехановская теория о ложных идеях не сводится к утверждению того, что форма не может соответствовать ложной идее. Плеханов прекрасно знал, что великие художники прошлого далеко не всегда придерживались правильных общественно-политических взглядов. (Итак в оценке художественных произведений Плеханов руководствовался следующими основными положениями.)

Абсолютным критерием для оценки художественных произведений является соответствие формы содержанию, или единство формы и содержания. Ложной идее не может соответствовать истинно художественная форма.

Ложной идеей является такая идея, которая не соответствует объективному ходу развития и не выражает прогрессивных стремлений передовых классов данного времени.

Прогрессивные идеи часто принимали иллюзорную форму, но вследствие этого они ещё не перестали быть прогрессивными. Причина этого несоответствия чаще всего заключена в неразвитости общественных отношений данной страны.

Хотя Плеханов категорически отрицал возможность соответствия истинно-художественной формы ложной идее, это вовсе не значит, что при наличии ложной идеи, он обязательно объявлял данное произведение не художест-

венным. Плеханов знал прекрасно, что общественно-политические взгляды крупных писателей прошлого и в зарубежной, и в русской литературе редко были последовательными. Он пишет: «Консервативный» и отчасти даже реакционный образ мысли первых французских реалистов не помешал им хорошо изучить окружающую их среду и создать очень ценные в художественном отношении вещи. Но не подлежит сомнению, что он сильно сузил их поле зрения.»³

Следовательно, не всякая ложная идея мешает созданию истинных художественных произведений, хотя каждая сужает горизонт художника. Только конкретное исследование может показать, когда ложные идеи мешают созданию ценных художественных произведений и когда нет.

Плеханов всегда учитывал, что в общественно-политических взглядах крупных художников часто содержатся и верные и ложные идеи. Но это только одна сторона вопроса. Другая — заключается в том, как влияют на художественное творчество разные стороны общественно-политических взглядов художника. Плеханов не раз указывал, что было бы ошибкой предполагать, что есть прямая математическая пропорциональность между художественностью произведения и общественно-политическими взглядами его создателя. Всё зависит от того, считал он, насколько и как мешают данные ложные идеи воспроизведению действительности в художественных образах.

Если мировоззрение писателя целиком ложное, он не может создать полноценное художественное произведение. Решение вопроса о том, насколько ложные идеи мешают верному воспроизведению жизни, зависит от их качества, обстоятельств времени и места. Плеханов, например, отмечает, что консервативные политические взгляды первых французских реалистов не мешали им верно изображать пошлость буржуазного образа жизни и в этом отношении их произведения представляют великую ценность. Однако из-за реакционного образа мыслей они просмотрели новую историческую силу — рабочее движение, и это помешало им изобразить положительных героев времени. Следовательно, они смогли верно воспроизвести одни стороны тогдашней французской жизни и не заметить другие. Этот факт имел и другие последствия: они сами не подозревали, какие выводы следуют из этого, и поэтому их произведения носили острый критический характер. Ложные идеи сузили их точку зрения на действительность, но они не легли в основу их произведений. Французские реалисты придерживались правильных воззрений на те явления жизни, которые они так ярко изображали. Ложные идеи не получили прямого отражения в их произведениях и поэтому не могли их испортить. Это относится к Флоберу и ещё в большей степени к Бальзаку.

Какое значение придавал Плеханов роли ложных идей, особенно видно из его анализа творчества Ибсена.

Необходимо сразу же подчеркнуть, что он считал Ибсена великим художником, а причину его слабости видел в том, что «он не сделался идейным до конца».

По мнению Плеханова, Ибсен отрицал мещанскую действительность, лицемерие и мораль имущих классов, но не нашёл верного выхода из мертвого

³ Плеханов, Г. В. Литература и эстетика (Москва, Издательство художественной литературы 1958), т. 1, стр. 58.

круга. Писатель чётко определил движущие силы мелкобуржуазной действительности, он видел что буржуазная демократия является прикрытием буржуазных интересов, что мещанское общественное мнение подавляет личность, и решительно отрицал эту действительность. Но восстав против буржуазной политики и демократии, он стал на путь отрицания политики и демократии вообще. Ибсен поднял бунт во имя так называемого «человеческого духа», но ему самому было неясно, что он хочет, и поэтому его бунт был в какой-то степени бессодержательным. Великий драматург видел многие причины общественного зла, но не мог найти верного выхода из противоречий.

Во времена Ибсена женщина была бесправной, угнетенной. В ряде своих произведений писатель в общем правильно отразил её положение. Однако, он до конца не понял социальных причин этого положения, борясь за освобождение женщины, он «хотел оставить её в детской» — говорит Плеханов.

Так, одна из героинь Ибсена — Нора восстала против цепей буржуазной семьи и разрушила их во имя свободы. Мы сочувствуем Норе, но для нас остаётся совершенно неясным, что она будет делать со своей свободой. Борьба Ибсена за освобождение женщины, — говорит Плеханов, — нередко превращается в свою противоположность.

Всё это Плеханов связывал с основной ошибкой Ибсена. Отрицая буржуазную политику и демократию, писатель, как сказано, отрицал политику и демократию вообще. Например, его герой Бранд восстает против всеобщего избирательного права и проповедует абсолютный индивидуализм.

Так прогрессивные намерения драматурга часто превращаются в свою противоположность: по мнению критика, он проповедует реакционные идеи, сам не подозревая того.

Ибсен считал, что избавить общество от пошлости путём социальных преобразований нельзя. Он призывал к моральному самосовершенствованию, к созданию новой нравственности. Однако, ему было неясно ни содержание этой нравственности, ни путь её достижения; и неясно потому что его мораль была основана на отрицании политики, оторвана от реальных условий жизни общества.

Когда Ибсену приходилось говорить о способах борьбы со злом, он прибегал к символам, а «символизм — это нечто вроде свидетельства о бедности», — говорит Плеханов.

Согласно учению Плеханова, ложные идеи неизбежно вносят ложь в психологию действующих лиц. Это справедливо и в отношении Ибсена. Нора, Бранд и другие герои героически борются за свободу, но что они будут делать после достижения своей цели, для чего нужна им свобода, они сами не знают. По этой причине их борьба оказывается иногда не героической, а только смешной. Ложные идеи несомненно повредили художественным достоинствам произведений Ибсена. Но Плеханов не остановился на констатации этого факта: он анализирует классовые корни ложных идей Ибсена. Заблуждения драматурга критик объясняет относительной отсталостью капиталистических общественных отношений тогдашней Норвегии.

По мнению Плеханова, характер отрицания в большей степени определяется предметом отрицания. Ибсен отрицал норвежскую действительность, но отрицая её, он не смог выдвинуть никакого положительного идеала: мещан-

ская действительность не дала ему для этого возможности, ибо промышленный пролетариат Норвегии ещё не представлял собою серьёзной силы. Идеалы Ибсена по необходимости носили отвлечённый, символический характер.

Слабость драматурга была, по Плеханову, не только его личной слабостью, она была присуща всей тогдашней норвежской интеллигенции. Мещанская действительность не дала ей свободно развиваться. Её драма заключалась в том, что она выросла в мещанстве и не чувствовала никакой общественной силы, на которую она могла бы опереться в своей борьбе против мещанства. Поэтому она, подобно Бранду, возводила индивидуализм в принцип проповедовала культ личности. Эти её настроения, отразившиеся в произведениях Ибсена, были следствием неразвитости капиталистических отношений тогдашней Норвегии. У драматурга не было и не могло быть ясной программы разрешения социальных противоречий. Эта неопределённость и привела его — и не только его — к ложным идеям, которые помешали верному воспроизведению действительности, привела к символизму, к неопределённости художественных образов.

Из сказанного вовсе не следует, что причиной символизма Ибсена Плеханов считал лишь неясность, неопределённость их идей. По мнению критика, ложные и верные идеи создали одну целую, но противоречивую систему взглядов драматурга, составлявшую основу его художественной системы, ибо без верных положений, без отрицания мещанской действительности не было бы и бунта «человеческого духа». Короче говоря, причиной символизма Ибсена является его противоречивая система мировоззрения, в которой ложные идеи играют заметную роль, так при правильном отрицании, т. е. при марксистском отрицании, он был бы не символистом, а пролетарским писателем.

Так Плеханов за противоречиями в мировоззрении драматурга увидел противоречия самой действительности, и объяснил первые последним. В данном случае он вплотную подошёл к методу Ленина.

Источник заблуждений Ибсена заключается, по Плеханову, в том, что он не видел действительного пути разрешения тех общественных противоречий, которые уже были поставлены историей. Однако, в целом драматург правильно видел и оценивал современную ему действительность. Его художественные просчёты были не очень большими, так как сама действительность, в силу относительной отсталости стараны, мешала ему дать правильный ответ. Ложные идеи возникали у драматурга в силу отсталости норвежских общественных отношений, а не из-за реакционной классовой точки зрения.

Это очень важно. Плеханов пишет: «В истории неясность сознания — «промахи незрелой мысли», «невежество» нередко знаменуют собою только одно: именно, что ещё плохо развит предмет, который надо сознать. т. е. новые *нарастающие отношения*. Ну, а невежество этого рода, — незнание и непонимание того, чего ещё нет, что находится ещё в процессе возникновения, — очевидно, есть лишь *относительное* невежество.»⁴

В силу всех этих причин, ложные общественные идеи не мешали Ибсену создать великие художественные произведения, хотя и сильно мешали ему ви-

⁴ Плеханов, Г. В., Избранные философские произведения (Москва, Госполитиздат, 1956), т. 2, стр. 257.

деть и верно изобразить новых положительных героев. Незнание того, что ещё находится в процессе возникновения, вообще не может помешать верному воспроизведению действительности.

Совсем по-иному оценил Плеханов пьесу Кунта Гамсуна «У царских врат». В основе этой пьесы лежит, по его мнению ложная идея — отрицание прогрессивной роли рабочего класса, ненависть к человеку, культ крайнего индивидуализма. Главный герой пьесы настолько враждебно относится к рабочим, что требует их истребления. Такая нелепая крайность тоже объясняется относительной отсталостью общественных отношений тогдашней действительности. В данном случае отсталость объясняет только наивную форму, предлагаемых Гамсуном методов борьбы против рабочего класса, а не само враждебное отношение. Отсталостью объясняется тот факт, что главный герой пьесы — Иван Карено видит настоящих идеологов рабочего класса не там, где они действительно находятся. Это резко повлияло на художественный уровень пьесы.

Причина враждебности Гамсуна к рабочему классу состояла в том, что общественные отношения развились уже до такой степени, что каждому художнику надо было выбрать место для себя в общественной борьбе, и Гамсун выбрал: он принял сторону буржуазии.

А с другой стороны капиталистические отношения ещё не были настолько развиты, чтобы Гамсун мог увидеть настоящее положение дел. Ему казалось, что государство защищает рабочих и что идеологами рабочих являются либералы. Эти глубоко реакционные и вместе с тем наивные взгляды легли в основу пьесы. Писатель хотел создать образ носителя великих идей, человека сильного характера, но так как идеи героя были низменными, антигуманными, эгоистическими и часто наивными, нереальными, — писателю не удалось осуществить свой замысел. Получилась неудачная «слезливая комедия». Реакционные классовые идеи глубоко исказили характеры, внесли в них явную ложь. Писателю не удалось добиться единства формы и содержания, хотя он был талантливым художником, о чём свидетельствует созданный им образ жены Карено.

По мнению Плеханова, удачный образ героини, конечно, не мог спасти произведения в целом, потому что его основная мысль была глубоко ложной. Реакционный классовый характер основной идеи пьесы и послужил причиной её провала. В то время уже нельзя было равнодушно относиться к рабочему движению. Кнут Гамсун перешёл на сторону буржуазии, и этот переход определил его позднее творчество. В эпоху, когда капиталистические отношения были ещё не развитыми, презрительное отношение к рабочему движению не оказывало губительного влияния на художественное творчество писателей. Многие из них вообще не замечали рабочего движения, у многих не было определённого отношения к пролетариату. Несмотря на это, они могли создать ценные произведения, потому что верно воспроизводили другие стороны общественной жизни. Оценки Плеханова подтверждаются современным развитием. В эпоху империализма, когда все вопросы, все стороны общественной жизни связаны настолько с пролетарским движением, что враждебное отношение к пролетариату и к его движению не может не сказаться самым губительным образом на художественном творчестве. Неслучайно современное буржуазное искусство и литература дошли до такой степени разложения, что вообще перестали быть

искусством и литературой. Ложные идеи современной монополистической буржуазии не укладываются в художественные образы. Следствием этого является разрушение образов, такое очевидное в абстракционизме, что буржуазное искусство по существу прекращает своё существование.

Подведём итоги, которые вытекают из анализа учения Плеханова о ложных идеях.

1. Определить роль ложных идей можно, только принимая во внимание об-разный характер искусства и литературы. В каждом таком случае задачей ис-следователя является определение влияния данной конкретной ложной идеи на систему образов произведения. Без конкретного анализа определить роль лож-ных идей невозможно.

2. Существует, по крайней мере, два вида ложных идей. Ложные идеи мо-гут быть следствием относительной неразвитости общественных отношений, т. е. следствием того, что история поставила новые вопросы, но ещё не дала средств их разрешения, ложные идеи такого рода, хотя и вредят художест-венному творчеству, но не мешают создавать произведения, ценные в худо-жественном отношении. Но ложные идеи могут быть и следствием того, что художник является представителем реакционного класса общества. Реакцион-ные классовые взгляды писателя всегда сильно мешают художественному твор-честву и, как правило, губительно влияют на художественность.

3. В мировоззрении художника центральное место занимают общественно-политические взгляды, так как искусство и литература являются отражением общественных отношений. Это, конечно, не значит, это другие стороны его мировоззрения не играют никакой роли.

4. Общественно-политические взгляды писателей и художников прошлого — а часто и настоящего времени — являются противоречивыми. В этом слу-чае надо определить место ложных идей в мировоззрении художника и их влия-ние на художественное творчество.

5. Влияние реакционной классовой точки зрения на верное воспроизведе-ние действительности зависит не только от качества идей, но и от истори-ческих условий, от развития общественных отношений, от силы и остроты классовой борьбы в данном обществе. Одни и те же ложные идеи в разное время в разных исторических условиях могут оказать совершенно различное влияние на художественное видение мира. Поэтому нельзя определить роль данной ложной идеи без конкретного исторического анализа художественного произведения.

6. Ложная общественно-политическая идея — есть такая идея, которая противоречит прогрессивным тенденциям данного общества, стремлениям пере-довых классов и слоёв населения. При этом надо уметь отделить действительно прогрессивное содержание данных идей от их формы, т. к. в прошлом про-грессивные идеи часто принимали иллюзорную форму.

7. Ложные реакционные идеи современной монополистической буржуазии не укладываются в художественные образы. Это привело к разрушению обра-зов и в искусстве и в литературе. Реакционное буржуазное искусство по сути дела прекратило своё существование. Только художники гуманисты могут создать настоящие художественные произведения. А так как в наше

время истинный гуманизм требует перехода на сторону международного рабочего или национально-освободительного движения народов зависимых стран, то настоящие художники нашего времени и поддерживают эти движения. Мы не утверждаем, что художники, оторванные от современности не могут совсем создать хорошие произведения. Но это может быть только исключение. Здесь много сложных связей, переходов, промежуточных позиций.

8. Плеханов не ставил знака равенства между символизмом Ибсена и символизмом как литературным направлением. Символизм Ибсена носит особый характер. Об этом свидетельствует оценка русского символизма, сделанная Плехановым. Ибсен долго жил вне Норвегии; и его искусство имеет мировое значение, но на этот факт Плеханов не обратил должного внимания. И всё-таки предметом изображения действительности у Ибсена была норвежская жизнь, и поэтому основные положения Плеханова верны.

Данная статья далеко не исчерпала всей проблематики, связанной с учением Плеханова о ложных идеях. Она имеет своей задачей постановку некоторых важных вопросов. Эти вопросы требуют очень много работы. Дальнейшая разработка и уточнение теоретических выводов требуют изучения нового фактического материала.

ПОЭЗИЯ МЫСЛИ

(Заметки о зрелой лирике Лермонтова)

Д. Сёке

Поэзия Лермонтова часто давала повод к упрощенным толкованиям. Было время, когда стремящийся к высотам поэтический массив лермонтовского творчества представляли, применяя разного рода логические выверты, как раннее проявление поэзии «сверхчеловека» (Мережковский), и было время, когда лишь на основе одних, поверхностно воспринятых тематических признаков пытались обосновать развитие его поэзии, считая историко-литературные категории романтизма и реализма своего рода прокрустовым ложем.

Своеобразные черты творчества поэтов следует искать не только в их темах, но и в характере раскрытия этих тем.

В особенности относится это к Лермонтову, чья поэзия может показаться однообразной и статичной, если исходить только из его тематики. (Один из исследователей метко назвал его «скупым рыцарем образов».) Путь, пройденный Лермонтовым, был не столько путем искания новых тем, сколько борьбой, полемикой со своими предшественниками и кумирами, со сложившимися, ставшими привычными поэтическими образами и, не в последнюю очередь, мучительным поединком с самым собой.

Отрицание заставляет его поэзию устремляться от старого к новому; таким образом он становится из ученика других самостоятельным художником.

Он — поэт отрицания, но отвергает он не «вечные темы», а обесцвечивание поэтического выражения до шаблона; поэт ищет не новых тем, а стремится к обновлению традиционных. То, что в первую очередь ново у него. — это не сама тема, а ее раскрытие: экстенсивность в его поэзии вытесняется интенсивностью изображения.

Русская романтическая поэзия тридцатых годов все больше цепенеет в своем напыщенном изяществе.

Лермонтов как будто вдыхает новую жизнь в эти традиционные темы: он замечает скрытые в эти темы жизнь и движение, их молчаливые глубины, давленные многословием.

Описательный элемент в зрелой поэзии Лермонтова постепенно вытесняется мыслительным; его внимание все более привлекает не что происходит, а как. Истинный смысл большинства его стихотворений уже не сходится с их темой в узком понимании этого слова: он состоит в изображении полета, диалектичности человеческой мысли. Мысль поэта то парит еще на крыльях романтического волюнтаризма, то уже реалистически раскрывает взаимосвязи че-

ловеческих чувств, которыми из-за их кажущейся таинственной неизреченности так восхищались романтики.

На передний план зрелых стихотворений Лермонтова выдвигаются не сами поэтические образы, а их взаимосвязь: сюжет почти всегда фон, средство для показа процесса движения мысли. В фокусе его стихотворений стоят внутреннее, душевные проблемы: поэтические средства концентрируются вокруг этого лирического конфликта, служат его развитию и разрешению.

Исследователи как-то не касаются проблемы конфликта в лирике: это, может быть, объясняется до сего времени существующим нормативным характером поэтики, в которую, однако, при конкретном разборе произведений все время вносятся поправки. (Метафизическая система поэтики Аристотеля и Буало все еще продолжает сказываться даже на последних пособиях по теории литературы.)

В литературоведческой практике наших дней понятие конфликта как-то автоматически ассоциируется с драмой или отчасти с эпическими жанрами, — однако, с полной несомненностью обнаруживается это и в лирике. Уже Белинский в свое время выступал против строго-нормативной категоризации литературы и считал, что драматический характер присущ не только одному драматическому жанру.¹ И прав советский критик В. Назаренко, говоря в своей недавно вышедшей книге о «драматургии стиха».²

Этот внутренний драматизм создает необычайную напряженность мысли стихотворений позднего Лермонтова, которая подготавливала почву для поэзии нашего века. Неслучайно А. Блок тяготеет к Лермонтову, как и неслучайно последние стихотворения поэта так близки к изысканно-сложному немецкому поэту Рильке (он перевел «*Выхожу один я на дорогу. . .*»).

Один из лучших исследователей творчества Лермонтова, недавно скончавшийся Б. М. Эйхенбаум разделяет стихотворения поэта на три группы: он различает сюжетные стихотворения, субъективную лирику и, наконец, из числа последних выделяет в особую группу его философские стихотворения.³ Хотелось бы только добавить, что эта философская тенденция обнаруживается и во многих сюжетных стихотворениях.

Это разделение в какой-то степени и дает ключ к решению одной из основных проблем изучения творчества поэта: соотношения романтизма и реализма, которые безусловно сосуществуют в его зрелой лирике.

Романтическая традиция проявляется в поэзии Лермонтова через романтический сюжет, а этого влияния в субъективных стихотворениях уже нет, что и дает возможность для реалистического решения поставленных в них проблем. При разборе стихотворений последних лет становится ясным, что как раз в стихотворениях субъективного характера поэту удается *реалистически* разрешить конфликт, а в сюжетных, раскрывающих характерные романтические мотивы, конфликт решается внутри этого сюжета, в *романтически-идеальном* плане.

К этому последнему типу относится и написанное в 1841-м году стихотворение «Сон»:

¹ В. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. М., 1948. т. 2. стр. 20.

² В. Назаренко. Язык искусства. М., 1961. стр. 313. См. также его же статью: Литературная газета. 4. сент. 1952.

³ Б. Эйхенбаум. Статьи о Лермонтове. М.-Л., 1961. стр. 5.

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал, недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир, в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

«Страшная вещь эти сны! Другая сторона жизни и часто лучшая, нежели действительная жизнь», — пишет в одном из своих писем Лермонтов.

Поэт мрачной эпохи тридцатых годов, эпохи «безвременья», не умевший изменить по своей воле реальный мир, стремится к этому в мире нереального, в мире снов. Это стремление стоит в центре лермонтовского волюнтаризма. В. Ф. Асмус очень удачно назвал эту «другую сторону жизни» своего рода проекцией земных представлений поэта.⁴

Такого рода сон, глубоко связанный с реальностью, мы видим и в вышецитируемом стихотворении.

Перед нами двойной сон: «сон героя и сон героини, — пишет в своих комментариях Б. М. Эйхенбаум, — это как бы два зеркала, взаимно отражающие действительные судьбы каждого из них и возвращающие друг другу свои отражения.»⁵

Мысль настолько напряженна в этом стихотворении, что не только преодолевает пространство, но и способна вызвать ответную мысль.

Красота этого глубоко диалектического стихотворения заключается прежде всего не в его поэтических картинах, взятых отдельно, а в их взаимодействии. Сравним начальные и заключительные строки стихотворения:

⁴ В. Асмус. Круг идей Лермонтова. (в сб. Литературное Наследство т. 43—44. М., 1941. стр. 106.)

⁵ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений в пяти томах. М.—Л., 1936. т. 2. стр. 252.

Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

.....
.....
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладящей струей.

Полет мысли от героя к героине и обратно протекает не в каком-то абстрактном, вневременном плане: тождество картин в приведенных стихах еще резче подчеркивает временную разницу: статичность существительных, остающихся неизменными в обеих картинах (*рана, кровь*) контрастирует с временной протяженностью глаголов, которые здесь изменяются, приобретая тонкие смысловые оттенки (*дымилась — дымясь чернела, по капле... точилась — лилась*), — это-то и создает почти зримое впечатление уходящего и необратимого времени.

Полдневный жар в долине Дагестана и *вечерний пир* в родимой стороне не просто отделены географически, но и противопоставлены друг другу. Этот контраст еще увеличивается резким диссонансом гласных этих двух строк.

Но в то же время, как бы на заднем плане стихотворения, эти картины и связаны друг с другом, как бы объединены употреблением и повторением одних и тех же слов: герой лежал один и видел, что его возлюбленная сидела... одна: «и снился мне,» — говорит он, — «и снилась ей». — узнаем мы об ней.

Создается своеобразный конфликт между двумя контрастирующими ситуациями, в которых находятся герои, и общностью их чувств и мыслей, то есть, между внешним окружением и внутренним родством душ. Он постепенно нарастает, пока не разрешается в конце стихотворения: человеческое чувство и мысль победили пространство, победили все препятствия.

В то время как в этом «сюжетном» стихотворении лирический конфликт разрешается в романтически-идеалистическом плане, в другом стихотворении, написанном в том же году, поэт, уже не связанный определенным сюжетом, вплотную сталкивает две временные плоскости — прошлое и настоящее —, с тем чтобы в конце стихотворения они сплавились в гармонии реальности:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красоты твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Вопрос о создании этого стихотворения вызывает споры. Комментарии различных изданий связывают стихотворение с различными именами, — зато

Все комментаторы сходятся в том, что в нем говорится о *двух* женщинах. Недостаточная ясность биографических данных, а еще более самый смысл стихотворения дает право выдвинуть и другую гипотезу: здесь говорится об *одной* женщине; изображается борьба прошлого и настоящего *одного* любовного чувства. Это предположение подтверждается и диалектичным, полным *внутренней* полемики тоном других стихотворений поэта.

Уже в первых строках стихотворения звучит характерный лермонтовский мотив: оно начинается с отрицания. Прошлое господствует над настоящим, но вместе с тем поэт-реалист говорит и о том, что прошлое не имеет самостоятельного существования: оно может реализоваться только в настоящем. Прошлое и настоящее составляют две, загадочно связанные и борющиеся друг с другом плоскости стихотворения.

В начале стихотворения прошлое является абстракцией, а потом постепенно приобретает реальные очертания.

Таинственная неопределенность второй строфы завершается новым, более сильным отрицанием, звучащим почти диссонансом:

Но не с тобой я сердцем говорю.

Эта строка, в которой напряжение возрастает до предела, уже ведет к следующей завершающей строфе, к разрешению. Она как бы отвечает предыдущей строке, разгадав и разрешив сконцентрированный в нем конфликт стихотворения:

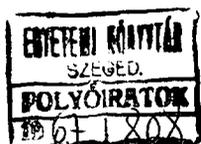
Я говорю с подругой юных дней:
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Контрапунктирующие голоса прошлого и настоящего здесь сплетаются в единую гармонию: диссонанс здесь растворяется в консонансе. Без предшествующих строф эта последняя была бы просто идиллической картиной, а они, в свою очередь, неразрешенной романтической загадкой. Но если взять стихотворение как единое целое, эти последние строки звучат в нем завершающим аккордом реалистического психологического анализа. Ведь — замечает венгерский поэт Аттила Йожеф — «диссонанс фактически является проблемой. Без проблемы нет и ее разрешения, значит, и консонанса нет.»⁶

И за этими проблемами, за борьбой, отражающимися в этом стихотворении, нетрудно заметить и их внутреннюю сущность: основная проблематика стихотворения — вопрос о приоритете прошлого или настоящего — является своеобразным отражением борьбы романтического и реалистического методов. Признание первичности настоящего не только разрешает поставленный в стихотворении конфликт, но вместе с тем и является своеобразным ударом по романтизму и представляет значительный шаг вперед к реалистическому изображению.

⁶ József Attila összes művei. Budapest, 1958. III. 227.

И в самом деле: «Нет, не тебя так пылко я люблю...» является уже реалистическим стихотворением: оно не просто изображение души, а четкий психологический анализ. В нем уже не чувства господствуют над поэтом-романтиком, который теряется в их неразгаданном лабиринте, а писатель-реалист властвует над своими чувствами, анализируя их переплетение, выражает сложную диалектику души, наших самых сокровенных чувств, свидетельствует о силе человеческой мысли и познания.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Х. Тот.</i> К истории склонения имён существительных в русском языке	5
<i>И. Пете.</i> Окрашенное употребление временных форм глагола в русском языке	21
<i>И. Юхас.</i> Заметки о начинательных глаголах в современном русском языке (I)	35
<i>П. Шонкой.</i> Данные к словацкому языку села Кондорощ	41
<i>Д. Якош.</i> Учение Г. В. Плеханова о роли ложных идей в искусстве и литературе	49
<i>Д. Сёке.</i> Поэзия мысли (Заметки о зрелой лирике Лермонтова)	57

Megjelent 300 példányban (5,6 A/5 ív terjedelemben).

Felelős kiadó: Juhász József

63. 280 Bács-Kiskun megyei Nyomda Vállalat, Kecskemét